Андрей Ливадный Натали

До войны у него была девушка.

Она погибла при бомбежке Раворграда… Тогда Андрей еще мог ощущать боль. Сейчас уже нет.

Ангар серв-машин тонул в багряном сумраке.

Горели лишь огни, размечающие выходы к десантным шлюзам.

Он сидел на нижней ступеньке выдвижного трапа, ведущего в рубку «Хоплита», и курил, пытаясь вспомнить ее образ.

Не получалось.

Прошло много лет, но не время стерло дорогие черты, оставив лишь смутную фигуру и имя — Натали.

Нет, время тут ни при чем…

Ее образ стерла война, бесчисленные уже не поддающиеся осмыслению, не вмещающиеся в памяти *будни*.

Будни воины. Если перебирать дни, как четки, вспоминать всех, с кем сводила и жестоко разлучала судьба за эти годы, можно запросто сойти с ума, свихнуться, сидя на холодном металле выдвижного трапа.

В багряном сумраке, среди решетчатых ферм обслуживания застыли исполинские фигуры боевых серв-машин. Обманчивая тишина бункера в любую секунду могла обернуться воем сигналов тревоги, и тогда…

Все смешала война. Людей, технику, технологии… Когда-то шагающие аграрии с планеты Дабог остановили первый удар планетарных сил Земного Альянса, инженеры прародины в свою очередь ухватились за концепцию уникальных шагающих сервомеханизмов, создав их боевые аналоги. Год за годом на полях бесчисленных сражений Первой Галактической выковывался, отшлифовывался под шквалом ракет и снарядов, закалялся среди потоков лазерного излучения и ударов плазмогенераторов облик и конструкция двух основных типов серв-машин.

Тяжелый, шестидесятитонный «Фалангер»[1] и более легкий (сорок тонн) «Хоплит». Универсальное, доведенное до стадии технического совершенства шасси, ужасающее по своей мощи бортовое вооружение, включающее и кибернетические компоненты с элементом искусственных нейросетей, которые накапливали опыт пилотов и, в случае гибели последних, могли продолжать бой… так, словно человек по-прежнему руководил машиной.

В самом начале войны все было проще: земные флоты господствовали в космосе, колонии отчаянно сопротивлялись вторжению, целые планеты сгорали в пламени орбитальных бомбардировок, пока военно-

промышленные комплексы Альянса не поставили на поток принципиально новые образчики планетарной техники, способные царить на полях сражений так же, как крейсера прародины царили в космосе.

Казалось, поражение колоний неизбежно, но…

Андрей погасил окурок.

Среди багряного сумрака и хищных контуров сервомеханизмов заплутала его память. Она выталкивала на поверхность сознания отдельные фрагменты вселенского кошмара, когда он, еще совсем юный, впервые ступил на почерневший от копоти трап захваченного в бою «Хо-плита».

Не они выбирали свою судьбу — судьба выбирала их, практически подростков, едва переступивших порог совершеннолетия, и швыряла: кого в кресло пилот-ложемента трофейной серв-машины, кого в рубки орбитальных штурмовиков, наспех переделанных из челночных грузовых кораблей, кого на палубы и боевые отсеки захваченных на планете Кьюиг крейсеров Альянса.

Так наступил перелом.

Колонисты, которым приходилось на протяжении четырехсот лет бороться с враждебными биосферами, терраформировать чуждые планеты, на самом деле имели не только промышленные базы, но и огромный потенциал развития. Обе противоборствующие стороны с удивительной быстротой перенимали друг у друга опыт и технологии, внедряли их в серию… и маховик войны вдруг начал раскручиваться с новой силой, какой не предполагали ни стратеги Альянса, ни выжившие под орбитальными бомбардировками защитники подвергшихся внезапному нападению колоний.

На поля сражений пришли сервомеханизмы.

Земля с самого начала снабжала свои машины модулями псевдоинтеллекта. Программный модуль «Одиночка», связанный в бою шунтом прямого нейросенсорного контакта с разумом пилота, получал команды на мысленном уровне, одновременно запоминая, как действует человек в той или иной ситуации, накапливая боевой опыт, совершенствуясь до той стадии, пока кристаллосхема (в более поздних модификациях — кристаллосфера с набором модульных схем) не начинала мыслить самостоятельно, вобрав не только боевой опыт, но и часть души, сознания человека.

Мало кто выживал среди жерновов жесточайшего противостояния.

Люди гибли, но оставались машины, хранившие частицы их боли, ненависти, — опаленные, иззябшие от войны фрагменты души оставались навек прописаны в искусственную память, оцифрованы и… как жуткое

следствие тотальной нехватки обученных пилотов — они начали поступать в тираж, на конвейеры, с которых сходили уже обладающие штампом «сознания» «Одиночки».

К концу войны сложилась абсурдная и одновременно — грозящая полным уничтожением людей ситуация, когда в составе Военно-космических сил Альянса на одного человека приходилось до тысячи кибернетических механизмов.

В колониях, где с определенного момента также стали производить серв-машины (полноценное управление которыми без модуля «Одиночка» являлось попросту нереальным), пошли другим путем. Псевдоинтеллекту не позволяли бесконечно накапливать боевой и моральный опыт. Если Земной Альянс исчерпал человеческий ресурс, то колонии, чей потенциал постоянно пополнялся открытием все новых и новых, «потерянных» во времена Великого Исхода поселений, такой проблемы не испытывали, поэтому ни одна серв-машина, входящая в боевые формирования Флота Свободных Колоний, никогда не действовала самостоятельно, без контроля со стороны человека.

Матрицы сознания «Одиночек» регулярно тестировались; при помощи специальных программ с искусственных нейросетевых носителей удалялась вся эмоциональная составляющая, способная дать толчок к спонтанному, взрывообразному саморазвитию искусственного интеллекта, оставляя таким образом (в любой ситуации) решающее слово за пилотами.

По крайней мере, так предполагал устав и дополняющие его технические инструкции флота…

…Шел тридцатый год войны.

Земной Альянс был фактически разгромлен, но сотни, если не тысячи автономных кибернетических соединений (в составе которых не было ни одного человека) продолжали выполнение боевых задач, им был безразличен факт оккупации Земли, для них война продолжалась и могла окончиться лишь вследствие двух причин: полного выполнения поставленной задачи либо физического уничтожения самих механизмов.

Нет, Андрей не мог вспомнить ее образ.

От любимой осталась лишь смутная тень, робко встающая на пороге сознания, и имя.

Жизнь, давно обратившаяся в пепел.

Пепел его души, который уже не жег грудь.

Зачем сидел он на ступеньке трапа, в багряном сумраке, среди обрывков воспоминаний и когорты ужасающих сервомеханизмов, молчаливо ждущих своего часа?

Он сам не знал этого.

В помещениях бункера временной базы было холодно, неуютно, тоскливо и однообразно. Душа прозябала в стылых стенах, ей хотелось наверх, туда, где среди руин разрушенных городов обретаются остаточные серв-соединения противника.

Он забыл, что такое «нормальная жизнь».

Капитан Земцов не понимал, что болен. Болен войной, которая стала единственным смыслом бытия.

В промежутках между боями он не жил, а существовал. И не он один…

…Мысли капитана прервал сладкий, долгожданный звук — где-то в глубинах бункера зародился надсадный вой сигнала тревоги и, вторя ему, вокруг началось несуетливое механическое движение: с шелестом и едва слышным повизгиванием заправочные фермы отходили в стороны, освобождая корпуса серв-машин батальона.

Началось…

В тысячный, миллионный раз?

Капитану Земцову по большому счету было все равно. Главное — началось.

Он не суетился, будто действительно давно стал частицей электронно-механического мира. Поднявшись по ступеням трапа, Андрей оказался в тесном переходном тамбуре шлюзовой камеры. Касание сенсора, и боевой скафандр, закрепленный в специальной нише, преданно раздался в стороны… шелест бронепластин, сдвигающихся, чтобы пропустить человека внутрь керамлитовой оболочки, сливался с визгом сервомоторов усилителей мускулатуры. Музыка…

Он привычно повернулся спиной к открывшейся нише и сделал шаг назад.

Бронепластины начали обратное движение, плотно облегая тело, тихо клацали электромагнитные замки экипировки, сверху, закрывая голову, опустился шлем, в районе шеи тотчас ощутилось круговое движение специального соединительного кольца, в ватной тишине раздалось несколько характерных щелчков, и проекционное забрало тут же просветлело, отображая графики тестирования бронескафандра и жизненные показатели пилота, снятые системами метаболического контроля через сотни вонзившихся под кожу датчиков.

Массивный люк, ведущий в рубку управления «Хоплита», почти беззвучно скользнул в сторону.

Чувства перед боем всегда притупляются.

Так работает система жизнеобеспечения, встраиваемая в любой боевой скафандр. Пиковые метаболические реакции человека сглаживаются, гасятся точно выверенными дозами препаратов, но что значит вся дрянная химия, действие которой притупляется с годами, перед *предчувствием боя* ?

Андрей ощутил лишь легкое секундное помутнение рассудка, которое тут же ушло, как внезапный приступ дурноты.

Не нужны ему нейтрализаторы. Он спокоен. Его возбуждение не имеет ничего общего с нервозностью. Все хорошо…

Сложная система пилот-ложемента (катапультируемая при критических повреждениях серв-машины) преданно раздалась в стороны.

Шаг вперед, мимо оживающих экранов обзора, неистового танца индикационных огней на приборных панелях, полуоборот, ноющий звук сервомускулов, и тело, закованное в броню, опускается в кресло.

Пилот-ложемент начинает обратное движение, смыкаются амортизационные дуги каркаса, голова пилота мягко подается вперед под давлением подголовника, в правой височной области гермошлема вдруг начинает судорожно помаргивать передатчик ИК-порта[2] — это разум пилота входит в нейросенсорный контакт с кибернетической системой боевой машины…

Натали…

Здравствуй…

Тебе было одиноко без меня?

Тихая очаровывающая сознание музыка мысленных образов, тусклое взмаргивание алой точки на гермошлеме, и в рассудок врывается ее ответ:

— Доброе утро, Андрей. Я наблюдала за тобой. Мне показалось — тебе грустно.

— Грустно? Нет. Уже нет… Что передают?

— Сканеры орбитальной группировки зафиксировали возмущение метрики трехмерного континуума.

— Обратный переход? У нас гости?

— Четыре штурмовых носителя класса «Нибелунг». Покинули гиперсферу восемьдесят четыре секунды тому назад. Вышли на границе стратосферы. Наши перехватчики опаздывают. Модули противника уже начали снижение. Система аналитического контроля прогнозирует их успешную посадку в квадрате гамма-4-16 через семь минут.

— Загрузка определена?

— Данные сканирования в процессе приема.

— Давай что есть.

Перед мысленным взором возникла четкая компьютерная схема штурмового носителя класса «Нибелунг». Эти космические аппараты, оснащенные собственным гипердрайвом, предназначались исключительно для доставки на планеты и последующей поддержки серв-соединений Альянса.

Каждый «Нибелунг» (при полной боевой загрузке) нес на своем борту двух «Фалангеров», трех «Хоплитов», плюс взвод андроидов пехотной поддержки и автоматы перезарядки — примитивные механизмы, способные осуществлять смену боекомплектов и мелкий ремонт серв-машин непосредственно в ходе боевых действий.

Данные проникающего сканирования по первому, покинувшему гиперсферу штурмовому носителю показывали его стопроцентную загрузку.

Логично предположить: остальные модули также несут на борту полнокровные серв-соединения, а это означало, что в зоне ответственности батальона через шесть минут осуществят десантирование четыре взвода серв-машин.

Земцов бросил взгляд на экраны обзора. «Фалангер» командира батальона, полковника Ремезова уже подходил к шлюзу, за которым располагался механизм подъемника.

— Натали…

— Да, Андрей? — В ее немедленном, мягком отклике ясно звучали нотки чувственного восприятия, будто кибернетическая система «Хоплита» испытывала перед боем особые, неприсущие обыкновенной машине *чувства*.

Так оно и было.

Капитан Земцов не выжил бы в сотнях боев, не будь рядом ее — призрака, от которого осталось лишь имя.

Как он мог позволить технарям стереть память Натали, его боевой подруги, которая суть — давно уже не «Одиночка», — она часть его обгоревшей души, образ, возвращенный памятью, последний лучик человечности среди хаоса смерти…

Они были неразлучны на протяжении многих лет, прошли вместе через настоящий ад — как он мог отдать ее в грубые руки равнодушных техников, не знающих иной привязанности, кроме как напиваться до полусмерти в промежутках между боями?

Нет.

Однажды перешагнув через параграфы уставов, он уже никогда не

последует пунктам инструкций.

— Второй, начинаю движение.

Что-то хрупко надламывалось в душе. Первый тактовый шаг серв-машины — сложная процедура, в которой одновременно задействованы десятки сервоприводов, гидравлических усилителей, электромагнитов, — ступоход выпрямляется, немного меняет форму, теряя угловатость консервационного положения, встают на место обтекаемые бронированные кожухи, закрывающие наиболее уязвимые места привода, и вот огромный сервомеханизм, чуть покачнувшись, делает *шаг*, от которого ощутимо вздрагивают помещения бункера.

— Ноль первый, на выходе чисто. Подъемник первого ствола пошел вниз. Включаю канал телеметрии данных.

Командная частота несет хрипловатый надсаженный в боях голос Ремезова, и, вслед за словами комбата, в разум начинают вливаться первые байты данных оперативной обстановки.

Шаг на платформу подъемника.

В рассудке, связанном с кибернетической системой «Хоплита», привычно концентрируется множество данных, но мысли от этого не путаются, обилие информации — не помеха, скорее благо, когда ты не ощущаешь себя оторванным от всех и вся. Спутники орбитальной группировки неотрывно следят за снижением «Нибелунгов», вариатор частот то и дело посылает в рассудок дозированные порции радиопереговоров между другими пилотами батальона, свидетельствуя: все в порядке, второй и третий взводы уже покинули зону глубокоэшелонированных технических боксов и теперь выдвигаются к цели, следуя параллельными курсами.

Потоки данных, вливаясь в объединенное сознание человека и кибернетической системы, мгновенно находят свое место в обобщенном понимании обстановки.

Однако, кроме обработки информации, есть среди мыслей и что-то иное.

Оно тревожит и настораживает одновременно.

Тихая, едва слышная музыка, от которой вдруг начинает щемить сердце, сбивается дыхание, и огромная серв-машина, сделав неверный шаг, с оглушительным хрустом надламывает попавший под ступоход ствол поваленного дерева, тихо взвывают, раскручиваясь до немыслимых оборотов, гироскопы самостабилизации, — внешне все выглядит вполне заурядно, но Андрей вбирает ощущения мгновенного *сбоя*, реагируя на происходящее мысленным вопросом:

— Что случилось, Натали?

Тишина.

Лишь внешние микрофоны транслируют тяжелую тактовую поступь, на командной частоте полковник Ремезов отдает приказ «Фалангерам» первой роты: «Занять позицию для залпа тяжелыми ракетами!» Перед внутренним зрением разворачивается контрастная картинка — первый «Нибелунг», не выпуская посадочных опор, открыл аппарель, и ударное серв-соединение Альянса начало высадку.

— Натали?

За спиной «Фалангеры» первой роты начали выдвигать дополнительные гидравлические упоры. Теперь их строй напоминает ракетную батарею — исполинские серв-машины сложили ступоходы, припав к земле, крышки пусковых тубусов открыты, и жала баллистических снарядов, способных поражать орбитальные цели, холодно поблескивают в ожидании пуска.

— Война скоро закончится, Андрей, — пришел наконец мысленный ответ кибернетической системы. — Я чувствую — это последний бой.

Холодом обожгло сердце.

Она не сказала: «Ты бросишь меня, уйдешь, и наша тайна перестанет быть ею — меня сотрут в ходе планового тестирования», потому что…

— Мы еще не закончили. Даже не начинали, — глухо произнес Андрей, не обратив внимания на то, что сбился с мыслеобразов на обыкновенную речь.

— В чем дело, Земцов? — тут же огрызнулся коммуникатор. — С кем ты там разговариваешь? Отстаешь от группы!

— Подтягиваюсь, — машинально ответил он, увеличивая скорость, — теперь «Хоплит» перешел с ритмичного шага на бег, развивая полную мощность хода.

— Ты любил ее?

— Кого?

— Ту Натали, что была до меня? Живую?

— Она погибла. — Давняя боль укусила сердце. — Ты ее образ.

— Я лишь тень в твоем сознании. Прости. Я… больше не буду. Работаем.

Земцов не ответил, но мысли уже не хотели вливаться в прежнюю ритмику.

Она задала конкретный вопрос, на который у него не нашлось ответа.

А что, если действительно этот бой — последний?

Не в смысле личной смерти… к ее призраку он давно привык, а в

смысле войны? Земля капитулировала, и уничтожение разрозненных автоматических соединений не может продолжаться вечно. В конечном итоге победа придет. Сегодня, завтра, через неделю или месяц, — какая, в принципе, разница в сроках, главное — *она неизбежна.*

Именно это хотела сказать ему Натали.

Я была нужна тебе, когда вокруг не оставалось никого, лишь я — поврежденный, припадающий на один сту-поход «Хоплит», заблудившийся в смертельном танце неравного боя, когда твой надрывный крик слышали лишь стены этой рубки, впитывая его, а что грядет теперь?

Натали, мы еще не закончили войну.

— Я…

Впервые «Одиночка» не успела завершить начатую фразу.

Пять штурмовых носителей вырвались из-за кромки руин мегаполиса, до которого оставалось еще километров пятьдесят, не меньше…

Секунда злобного, мертвенного наваждения.

Системы сканирования ошиблись, их обманули выпущенные из глубин гиперсферы фантом-генераторы, а реальная высадка противника прошла под прикрытием ложных целей совершенно не там, где полагали показания спутниковых систем.

Они оказались *рядом.*

Пять «Нибелунгов» окутались единовременным залпом, управляющие ими модули «Одиночек» могли вести сопровождение пятидесяти целей одновременно, но в данный момент они сосредоточили огонь бортовых орудийно-ракетных комплексов на позиции «Фалангеров» первой роты.

Земля вскипела в том месте, где только что изготавливались к массированному запуску пять тяжелых серв-машин батальона, а «Нибелунги» уже перенацелились на атаку продвигавшихся к разрушенному мегаполису мобильных групп.

В первый момент после залпа Земцов, машинально уклоняясь от выпущенной по нему очереди вакуумного орудия, внезапно подумал: вот он — конец войны…

Нет. Снаряды лишь вспахали землю дымными султанами, осыпав броню «Хоплита» градом осколков, смерть пронеслась в полуметре от рубки, вернув разуму ощущение ритмики боя.

Штурмовые носители противника, разрядив оперативный боекомплект, разворачивались, стремясь проскользнуть назад, к иззубренным руинам разрушенного города.

Мысленный взгляд на тактический монитор мгновенно показал, насколько незавидно положение батальона.

Ни одна из серв-машин противника еще не проявила себя, а силы уже практически уравнялись — пять «Фалангеров» первой роты пылали среди исполинских воронок, никто из пилотов не успел катапультироваться, рядом ворочались тепловые контуры поврежденных «Хоплитов» прикрытия, не успевших отреагировать на неожиданный обстрел, над кромкой далекого леса, где продвигалась вторая рота, к небесам тянулись несколько жирных, дымных шлейфов, а впереди, среди многоэтажных руин, внезапно наметилось первое движение, и тактический монитор начал обозначать активные сигналы: серв-машины противника, рассредоточившись на разных уровнях уцелевших городских коммуникаций, открыли ураганный огонь, прикрывая отход «Нибелунгов».

Ракеты рвали землю, пламя плескало в экраны оранжевыми сгустками разрывов, тонны горящей почвы дымящимися комьями падали из поднебесья, на командной частоте бился хриплый голос комбата, пытавшегося скоординировать действия попавших под обстрел соединений, а рассудок Андрея вдруг полностью погрузился в безумие адского танца смерти — на пределе мощности он вырвал «Хоплита» из-под шквального огня, стремительно сокращая дистанцию до роковых руин.

— Натали, прыжковые на разогрев!

Подвеска реактивных двигателей, закрепленная на поворотной платформе, озарилась коротким тестовым сполохом, дюзы моментально раскалились, источая горячечное белое сияние…

— Готова!

Андрей повел взглядом.

Его разум, напрямую связанный с кибернетической системой «Одиночки», управлял сорокатонным «Хоплитом» исключительно силой мысли, не было никакой необходимости в ручных манипуляциях — в зависимости от воли пилота, нужные цепи управления замыкались за доли секунд.

Он видел пульсирующую цель на проекционном забрале своего шлема, взгляд цепко схватил ее, нацеливая сенсорные системы на избранную точку, расчетные данные для прыжка мгновенно прошли обработку в навигационных блоках, и теперь Андрею оставалось лишь дать мысленную отмашку, чтобы серв-машина устремилась в избранном направлении…

Верхняя полусфера! Беглый огонь!

Секунда задержки.

Прыжок!

Динамический удар стартовой перегрузки заставил прийти в

движение амортизационные механизмы пилот-ложемента, и все равно Андрей ощутил, как тело вдавилось в кресло; сверху, над самой головой, зашлась ритмичным, злобным лаем спаренная зенитная установка, поливая двигательные секции ближайшего «Нибелунга» хлесткими очередями кумулятивных снарядов, разорванное небо рвануло навстречу, дикая картина открывалась взгляду Земцова: от кормы штурмового носителя вниз падали выбитые снарядами обломки брони, — зенитное орудие, поворачиваясь, продолжало вбивать снаряд за снарядом практически в одну точку, и внезапно защита штурмового носителя не выдержала, размягченная адской температурой броня разлетелась рваными клочьями, изнутри пораженного отсека рвануло пламя; мгновение спустя глухим толчком пришел взрыв, вырвавший несколько секций планетарного привода, а «Хоплит» уже достиг апогея своей траектории и начал резко снижаться, параллельно падающему, кренящемуся на правый борт «Нибелунгу».

Бой, спрессованный в секунды…

Зенитное орудие смолкло — закончился оперативный боекомплект.

Руины города, еще дымящиеся от частых ракетных запусков, рванулись навстречу экранам, ослепительно огрызнулись огнем дюзы коррекции, ступоходы с визгом коснулись наклонной плиты перекрытия, оставляя в стеклобетоне глубокие, рваные борозды, на секунду машина Земцова застыла, ощутимо пошатнувшись, — разум пилота уже не поспевал за стремительностью происходящего действа, но останавливаться в бою — означало обречь себя на верную гибель, и Натали знала это не хуже Андрея…

Вот когда на первый план выступала кибернетическая система, способная выдержать любую перегрузку, ничего не упускающая в своем видении, мгновенно реагирующая на ситуацию, так, словно сознание капитана Земцова не помутилось, оставаясь ясным…

…Он хватал ртом загустевший вдруг воздух, а его «Хоплит» уже сделал первый шаг по наклонной плоскости. Резко отработали сервоприводы торсового разворота, рубка повернулась до мягкого удара об ограничитель, и правая ракетная установка разрядилась с коротким ревом: реактивные снаряды легли точно в цель, обрушив стену здания, обломки бетонных конструкций еще барабанили по броне вражеского «Фалангера», когда тубусы левого ракетного комплекса изрыгнули огонь, произведя залп на дистанции прямой наводки.

— Что ты делаешь, Земцов?! — Хриплый голос комбата потонул в грохоте взрыва, «Фалангер» противника окутался ослепительным шаром

огня, из которого в разные стороны вдруг ударили мутные гейзеры извергающейся под давлением охлаждающей жидкости, — это Натали положила ракеты точно в область реактора, превратив теплообменник вражеской серв-машины в искореженные обломки…

— Спасаю батальон, — так же сипло огрызнулся Земцов, выпуская подвесные орудия.

В опаленной близким взрывом броне «Хоплита» открылись узкие щели, и ближе к носовой части рубки, перед дымящимися после залпа тубусами, суппорты выдвинули два боковых пятидесятимиллиметровых орудия, мгновенно закрепив их на специальных оружейных пилонах.

Ритмично заработали эскалаторы, подавая боекомплект.

Сбоку внезапно ударил еще один взрыв, но Андрей не понял, что это было — выпущенная по нему ракета или от резкого скачка температуры рванул боекомплект атакованного «Фалангера».

— Натали?

— Порядок. Поворачиваю по данным радара. Дистанция до цели — четыреста метров. Класс «Хоплит», сигнал сдвоенный.

Ясно.

Мимо рубки с воем пронеслись огненные росчерки ракетного залпа, вслед, выбивая кубометры бетона, ударила пятитактовая очередь тяжелого орудия, но Андрей уже вывел свою машину под прикрытие наполовину обрушившейся транспортной развязки уровня, так что огонь еще одного «Фалангера», пытавшегося достать его с верхних этажей одиноко стоящего небоскреба, не очень волновал Земцова.

У него нашлась более близкая, реальная цель.

Впереди, на этом же уровне мегаполиса, за огрызками стен скрывались две легкие серв-машины стандартной боевой связки. По идее они должны были прикрывать многотонный «Фалангер» от внезапной атаки, но просчитались, не предугадав дерзкого прыжка, позволившего Натали обрушить стену и произвести ракетный залп в единственное уязвимое место, расположенное в кормовой части рубки тяжелой серв-машины.

Земцов осмотрелся, полностью включаясь в управление.

Преддверие ада.

Иначе назвать открывшуюся взгляду картину было немыслимо.

Давно покинутый людьми, изуродованный войной город смыкался вокруг узкими ущельями наполовину обрушившихся улиц, сумрак которых то и дело освещали стробоскопические вспышки орудийных очередей или ослепительные факелы ракетных запусков. Противник избрал идеальное

место для высадки. Затаившиеся среди бетонных конструкций серв-машины не позволят батальону смять их одним массированным ударом, напротив, заняв господствующие высоты, они смогут удерживать позиции не один день…

Мрачные мысли Андрея нарушил голос Натали:

— Носитель падает. Даю траекторию.

Пульсирующая курсовая нить поврежденного штурмового носителя, пытающегося совершить вынужденную посадку, круто уходила вниз, задевая тот квартал, где затаились два «Хоплита». Цифры обратного отсчета, предваряющие неизбежную катастрофу, стремительно сбегали к нулю.

Решение пришло мгновенно, оно казалось очевидным.

Натали, они прыгнут, чтобы уйти из-под удара!

Внешние микрофоны передали оглушительный рев, а мгновение спустя чудовищный удар потряс разрушенный мегаполис — это «Нибелунг» врезался в руины, проламывая стены и перекрытия; брызжущие фонтаны искр, сопровождавшие его сокрушительное падение, вдруг превратились в извергающиеся гейзеры пламени… Казалось, многострадальный город не выдержит и начнет рушиться, квартал за кварталом, уровень за уровнем, складываясь, будто карточный домик, но на самом деле не выдержали лишь те здания, что находились в эпицентре катастрофы, — с тяжким грохотом начали оседать три близко расположенных небоскреба, окрестности тут же заволокло белесой пылью, сквозь клубы которой продолжал яростно прорываться огонь, пожирающий обломки штурмового носителя.

Андрей явственно ощущал, как под ступоходами его «Хоплита» вибрирует перекрытие уровня.

«Не факт, что выдержит…» — промелькнула мысль, и Натали тут же подхватила ее, сообщив, что в реактивных ускорителях еще остался резервный запас топлива…

Мысль отдалилась и поблекла, вместо нее в сознании появился иной образ: две серв-машины противника, скрывавшиеся среди руин, не выдержали, осуществив продувку реактивных ускорителей — верный признак, что приближающиеся оползни вынуждали их совершить прыжок…

Андрей ждал этого.

Он чувствовал: на борту «Хоплитов» противника функционируют «Одиночки», еще не наработавшие достаточного боевого опыта, — их действия оказались легко предсказуемыми. Земцов резко повернул вправо,

удаляясь от места крушения «Нибелунга» и одновременно открывая линию огня.

— Они начали маневр. — Мягкий голос Натали вплетался в мрачную ритмику сражения, разгорающегося вокруг руин мегаполиса, словно шепот ангела-хранителя, незримо находящегося рядом: — Вектор ускорения определен. Данные предварительной наводки орудий обработаны.

События, спрессованные в несколько минут адского боестолкновения…

Рассудок человека воспринимал стремительный поток данных лишь благодаря нейросенсорному контакту с кибернетической системой, именно она позволяла разуму растягивать секунды в субъективную вечность, успевая реагировать на постоянную смену обстановки.

…Два «Хоплита» взмыли над руинами в ореоле ослепительного пламени, рвущегося из дюз прыжковых ускорителей, и тут же, не дав им шанса завершить начатый маневр, Земцов разрядил обе орудийные установки — каждая работала по своей цели, поливая снарядами поворотные платформы серв-машин противника.

Обломки «Нибелунга» еще продолжали двигаться, пробивая бетонные стены, словно листы картона, а сверху, хлестким металлокерамическим градом вдруг посыпались фрагменты сбитых снарядами бронированных кожухов и механизмов поворотных платформ, — катастрофическое приземление двум «Хоплитам» было фактически гарантировано, и Земцов, ощутив, как вхолостую щелкнули электромагнитные затворы орудий, отвернул в сторону, мысленно списав еще две боевые единицы со счета высадившихся серв-соединений Альянса.

Глуп тот пилот, кто не использует шанс критически повредить вражеские сервомеханизмы, используя *тактику,* не уповая лишь на огневую мощь, — при том раскладе сил, что обозначился в данном бою, Андрей за несколько минут сделал фактически невозможное — успешно атаковал «Нибелунг», который теперь изрыгал клубы дыма и языки пламени, прочно застряв в руинах, обнаружил и ликвидировал позицию «Фалангера», а затем подловил на вынужденном прыжке двух «Хоплитов».

На этом везение окончилось. Он чувствовал, что зарвался, и гневный окрик полковника Ремезова напоминал ему именно об этом: любая дерзость имеет свои границы и свою цену, «Хоплит» Земцова оказался слишком далеко от остальных сил серв-батальона, которые медленно продвигались вперед под продолжающимся обстрелом, и только он, с разряженными ракетными установками и опустевшими орудиями, словно заноза, вонзился в самое сердце вражеского расположения, ломая строго

проработанный план вторжения.

Щансы, Натали?

Секунда тишины.

Их нет, Андрей.

Он не успел задать вопрос — перед мысленным взором возник контур «Нибелунга» — штурмовой носитель завис на уровне верхних этажей одного из зданий, принимая на аппарель двух «Фалангеров».

Предугадать значение переданной картинки было несложно: две тяжелые серв-машины, не обладающие способностью к прыжкам на реактивной тяге, будут транспортированы «Нибелунгом», на низлежащий уровень мегаполиса и под прикрытием орудий штурмового носителя попытаются разделаться с дерзким пилотом.

Несложная задача, учитывая, что перезарядившиеся ракетные установки «Хоплита» вряд ли пробьют лобовую броню титанов, а пятидесятимиллиметровые орудия, которые в данный момент вновь скрылись в боковых оружейных нишах, слишком слабы, чтобы серьезно повредить «Фалангер» в прямом столкновении.

Главным преимуществом легких серв-машин всегда являлась их маневренность, дающая возможность атаковать уязвимые места противника, огневой мощи тут противопоставлялась скорость, возможность делать короткие, эффектные прыжки, атакуя цели с выгодных позиций.

Его стремительный рывок на средний уровень разрушенного города, когда реактивные ускорители подняли «Хоплит» Земцова до уровня парения «Нибелунга», позволив нанести противнику критические повреждения, к сожалению, исчерпал запас реактивного топлива, а скоростное маневрирование в узилище зажатых руинами проспектов представлялось весьма проблематичным…

Если «Фалангеры» выйдут на него «в лоб», Андрею не жить — он понимал это со всей очевидностью.

Выходим из боя?

Вопрос Натали прозвучал, будто упрек.

Ракетные комплексы перезаряжены.

Вдоль проспекта, срывая обломки бетона с иззубренных руин, катился нарастающий рев — это снижался штурмовой носитель, выбирая место для высадки «Фалангеров».

— Командир, где штурмовики? — Андрей задал вопрос, не надеясь на приятные новости, и не ошибся.

— Земцов, твою мать… Выбита половина батальона… Где тебя

носит?!

— Там, где положено, — огрызнулся капитан. Он понимал состояние полковника Ремезова. Тому приходилось совсем не сладко, батальон увяз на подступах к мегаполису, машины маневрировали фактически на открытой местности, находясь под постоянным огнем с господствующих уровней города, где среди руин располагались идеально защищенные позиции серв-соединений Альянса…

— Это ты «посадил» штурмовой носитель? — Голос Ремезова наконец зазвучал как полагается, с должными нотками уважения.

— Я. Могу дать точную наводку на второй «Нибелунг».

— Передавай.

Алый огонек на индикационной панели возвестил, что Натали уже транслирует данные на командной частоте связи.

— Фрайг… — выругался полковник, оценив, как тесно штурмовому носителю в ущелье засыпанного бетонным щебнем проспекта. — Что он делает?!

— Прет на меня… С двумя «Фалангерами» в десантном отсеке.

— Отойти сможешь?

— Реактивное топливо на нуле. Мне не соскочить, комбат.

— Что предлагаешь?

— Наводи штурмовики по моему пеленгу.

— Спятил?

— Нет. Я выхожу. Буду двигаться в лоб «Нибелунгу». Если судьба — проскочу меж посадочных опор.

— Хорошо подумал?

— Нет времени, комбат. Я пошел. Решай…

Земцов не бравировал. В его душе давно не осталось места для глупых выходок. Игра со смертью шла по-честному, и если его жизнь сейчас разменивалась на штурмовой носитель вкупе с двумя «Фалангерами» Альянса, то, значит, так тому и быть. Отступать поздно, да и некуда. Носиться по руинам в течение суток он не собирался.

— Гепарды взяли пеленг. Держись!

Вперед, Натали!

«Хоплит» Земцова проломил огрызок стены, выйдя на относительный простор проспекта.

Это было похоже на бред сошедшего с ума пилота, у которого в голове бесконечно прокручиваются нереальные с точки зрения здравого смысла фрагменты боев: легкая серв-машина, набирая скорость, устремилась вдоль полуразрушенных фасадов зданий прямо в лоб садящемуся «Нибелунгу».

Андрей знал, сколько орудий и ракетных шахт защищает носовую полусферу носителя, — башни главного калибра располагались по бортам и сейчас были наполовину утоплены в броню из-за узости посадочной площадки. Он рисковал, но делал это осознанно, не от отчаяния, а скорее в силу давно и прочно усвоенной истины: лучший способ защиты — это нападение.

Из-под купола свинцово-серых небес в узкую расселину проспекта падал нарастающий вой — это звено «Гепардов» вышло на прямую атаки, они пикировали по пеленгу сигнала, который передавал «Хоплит» Земцова, — различить «Нибелунг» среди множества ложных целей, огня пожарищ и искажений, вызванных работой фантом-генераторов, пилоты штурмовиков могли лишь на дистанции прямого огня, поэтому им не оставалось ничего иного, кроме как *буквально* выполнить приказ командира батальона, выпустив ракеты по четкому сигналу, который поддерживала Натали…

Никто из пилотов не догадывался, что у киберсистемы «Хоплита» есть собственное имя.

Они отработали по цели и взмыли вверх, прочь от огрызающихся огнем зенитных комплексов руин…

ЗАФИКСИРОВАН МАССИРОВАННЫЙ РАКЕТНЫЙ ЗАПУСК…
ДИСТАНЦИЯ — ПОЛТОРА КИЛОМЕТРА.
ПОДЛЕТНОЕ ВРЕМЯ — ВОСЕМЬ СЕКУНД…

Сообщения врывались в рассудок, мешая маневрировать.

Замолчи!

«Нибелунг» уже выпустил посадочные опоры. Сложные механизмы выдвигали многотонные шасси, снабженные тандемной опорной частью: дистанция сокращалась, и Андрей видел, как огромные литые колеса подались вверх, уступая место «раскачке» — так пилоты именовали изогнутые, похожие на короткие, широкие лыжи, касательные поверхности.

Носовая полусфера штурмового носителя извергала шквал снарядов, длинные очереди вакуумных орудий хлестали вдоль проспекта, постоянно меняя угол, отчего снаряды расходились веером, обрушивая чудом уцелевшие стены зданий, вслед «Хоплиту» неслась стена разрывов, такая же оранжево-черная, беснующаяся преграда вставала на его пути, осколки рикошетили, калеча кожухи, один из снарядов пробил защитную скорлупу, под которой пряталась установка локационной системы, и мир в глазах Земцова на миг помутился, но Натали в ту же секунду переключилась на

резерв…

В правом ступоходе что-то аритмично скрежетало,

зубовный хруст надломившегося металла отдавался болью в каждой клеточке мозга, ибо он был серв-машиной, а она являлась им — человек и кибернетическая система воспринимали друг друга, как две половинки единого целого…

«Нибелунг» коснулся тверди.

Тяжкий удар, визг сработавших амортизаторов, сполохи статики на посадочных опорах от пробоя электромагнитов удержания, ленивые клубы пыли, взметнувшиеся вверх, зримое колебание корпуса штурмового носителя и внезапно иссякший огонь носовых орудий, — все это складывалось в единую картину: потерявший скорость «Хогагат» с изрешеченными кожухами, сорванными сегментами брони, приволакивая правый ступоход, по инерции ворвался в пространство меж посадочных опор и…

Вырубай маяк!

Сделано!..

Ракеты, внезапно потерявшие ориентир, неслись на высоте пятнадцати метров, как раз на уровне корпуса «Нибелунга».

Андрей невольно сжался в предчувствии смертельного удара.

Боевые части реактивных снарядов, которыми оснащались «Гепарды», разрабатывались для борьбы с космическими кораблями класса «крейсер», так что им броня штурмового носителя?

Потеряв цель, они пошли по прямой…

Две секунды…

«Хоплит» Земцова, припадая на поврежденный ступоход, тщетно пытался преодолеть расстояние, равное длине вражеского модуля, уйти вбок не позволяли тесно смыкающиеся стены зданий, выхода уже попросту не осталось, но рассудок пилота продолжал упрямую борьбу, стремясь вырваться из зоны тотального поражения.

Тщетно…

Андрей интуитивно понимал это, но смириться не мог.

Неужели все?

Адский грохот ударил внезапно, стеклобетонное покрытие проспекта вырвалось из-под ступоходов серв-машины; «Хоплит» еще секунду стоял, будто споткнувшись на бегу, а затем начал медленно падать.

Низкий свод, образованный днищем штурмового носителя, внезапно подернулся крупной паутиной трещин, из которых брызнуло ослепительное пламя, — это тяжелые ракеты прожгли обшивку «Нибелунга» и выпустили

внутрь корабля вторичные боевые части, начиненные таугермином.

Ударная волна от множественных взрывов заставила пошатнуться мощные цокольные этажи зданий, обломки штурмового носителя хлестнули по фасадам, превращая уцелевшие части построек в горы дымящегося щебня, все вокруг мгновенно заволокло облаками пыли и клубами дыма…

Выработанная и многократно проверенная войной истина: человеку нет места там, где в смертельной схватке сходятся боевые кибермеханизмы, — в данный момент стала справедлива и для самих машин; массированный ракетный удар, расколовший штурмовой носитель на множество уродливых обломков, не пощадил находившихся внутри «Нибелунга» «Фалангеров», а вот «Хоплит» Земцова, отброшенный ударной волной, оказался зажатым между крупными, провисшими на обнажившейся арматуре фрагментами стены ближайшего здания и многотонным сегментом брони, наискось вонзившимся в рубку серв-машины.

Разодранный металл зиял глубокой рваной раной, сквозь которую внутрь прорывался тусклый свет хмурого полудня…

Андрей едва воспринимал происходящее — его сознание то угасало, то возвращалось вновь, восприятие реальности стало обрывочным, но в секунды просветления он продолжал инстинктивно бороться, потому что по-другому не мог, не умел…

Натали…

Мысленный призыв бился, пульсировал крохотной алой точкой, помятый гермошлем с треснувшим проекционным забралом продолжал функционировать, поддерживая связь пилота и искалеченной машины.

Тишина.

Она молчала.

Андрей мучительно повернул голову, пытаясь детально рассмотреть обстановку изувеченной рубки.

Большинство экранов щерилось осколками пластика, редкие индикационные огни на разрубленных, деформированных приборных панелях цвели погребальным узором: они смотрели на Земцова из сумрака, словно злобные глаза забравшихся в рубку падальщиков, ждущих, когда человек испустит дух.

Бредовые ассоциации, возникающие в рассудке, не имели ничего общего с реальностью, кроме тоскливого ощущения приближающейся смерти.

Был ли он ранен?

Андрей не чувствовал собственного тела, лишь непомерная тяжесть давила на грудь, да глухая боль пульсировала в голове.

Катапультирование…

Его пальцы вслепую потянулись к рычагу, но вместо механической рукояти рука наткнулась на преграду из сорванной приборной консоли.

Нет. Не дотянуться…

А есть ли смысл?

Натали?

Это была она. Голос, прорвавшийся в сознание Андрея, было невозможно спутать с чем-либо.

Бред? Или киберсистема «Хоплита» сумела восстановить функциональность, задействовав дублирующие, резервные схемы программно-аппаратной архитектуры?

Натали… — Сознание то уплывало в туманную дымку небытия, то возвращалось вновь. — *Натали… катапультируй ложемент… Я знаю… Ты меня… слышишь…*

Нет смысла, Андрей. Не уходи.

Что значит «не уходи»?

Война закончилась… Для нас. Останься. Тебе не найдется места в изменившемся мире. Как и мне…

Я ранен?

Ты истекаешь кровью. Система жизнеобеспечения бессильна.

Катапультируй ложемент!.. — Внезапный приступ ярости прояснил сознание.

Не могу… Прости меня…

Огненная спираль, появившаяся среди окутывающей рассудок черноты, ввинчивалась в разум, гася сознание.

Смерть не страшна.

Он знал, что так случится, рано или поздно…

Его не найдут под обломками «Нибелунга».

Он останется здесь. Навек. Вместе с искалеченной Натали, которая суть — часть его собственного эго…

Последняя мысль.

Мрак…

Свет пробился внезапно.

Он резко и неприятно ожег зрение. Андрей инстинктивно зажмурился, с трудом понимая, что продолжает осознавать самого себя.

Последние секунды боя и обрывочные мысли метались в сознании, он

не мог понять, где находится…

Глаза.

Я видел свет.

Вспышка.

Ослепительные белые стены, яркие, до радужных кругов на сетчатке…

На фоне белизны постепенно начали проступать детали интерьера.

Через некоторое время он сумел рассмотреть стены, сходящиеся углом, часть потолка, источающего нестерпимое сияние, какие-то приборы, совершающие ритмичные механические движения.

Сознание вдруг помутилось и снова начало угасать.

Ее туманный образ плыл над бездной.

Натали… Почему ты предала меня?..

Она не обернулась.

Эфемерная фигура вдруг начала истончаться, принимая иные формы, и постепенно Андрей понял, что лежит и смотрит в спину склонившегося над приборным комплексом человека.

— Где… я?

Вопрос походил на сиплый нечленораздельный вздох, но человек отреагировал моментально, тут же обернувшись на голос.

— Пришел в сознание, капитан? — Рослый бородатый мужчина лет пятидесяти широко улыбнулся. — В рубашке ты родился, Земцов.

Он мучительно поймал взгляд незнакомца.

— Лежи, лежи… Тебе сейчас двигаться возбраняется. Говорить тоже.

Немой вопрос не исчезал из глаз Андрея. Он сквозил во взгляде настолько явственно, что человек в белой стерильной униформе лишь покачал головой, мысленно сетуя на неуемность капитана.

— Все нормально. Ты на борту госпиталя. Уже два месяца, между прочим. — Бородатое лицо приблизилось. — Тебя случайно нашли под обломками «Нибелунга». Поисковые группы прочесывали квадрат в поисках остаточных кибермеханизмов, когда внезапно заработал аварийный маяк твоего бронескафандра. Компехи вытащили тебя из смятой рубки «Хоплита». Могу сказать одно: еще немного, и ты бы умер от потери крови. Вообще, с такими ранениями не живут даже при современном уровне медицины, но ты выкарабкался. Так что успокойся.

Земцов с трудом выдохнул, ощущая, как болезненно шевелятся его растрескавшиеся губы:

— Натали?.. Ее… вытащили?..

— Не понимаю, о ком идет речь. Все, капитан, тебе нельзя ни

шевелиться, ни говорить, а уж тем более нервничать. Спи. Набирайся сил. — Лицо вдруг отдалилось, раздался щелчок, и реальность вновь потускнела, окутываясь сладкой дымкой забвения.

О том, что война закончилась, Земцов узнал, лишь выписавшись из госпиталя.

Космопорт родной планеты — Элио — встретил прихрамывающего, опирающегося на трость капитана деловой, будничной суетой.

Андрей остановился, не доходя до зоны таможенного контроля.

Он как будто попал в другой мир. Все выглядело ненастоящим, каким-то сказочным, кукольным.

Откуда взялся огромный, стремящийся к облакам город, кварталы которого четко просматривались через толстый пластик прозрачного купола, образующего свод космопорта?

Неужели это Раворград?

Память Андрея хранила совершенно иной образ — циклопическая воронка с остекленевшими краями и лужами мертвой стоячей воды на дне, поваленные концентрическими кругами Раворы[3] и серая поземка из радиоактивного пепла… — вот какой он запомнил столицу Элио при последнем посещении планеты.

Теперь, куда не посмотри, ничто не напоминало о войне… будто ее и не было вовсе.

Земцов чувствовал, как начинает протестовать сознание, отказываясь принимать реальность, упрямо накладывая на нее те образы, что вытолкнула память.

Кто-то случайно задел его, проходя мимо.

Андрей вскинул голову.

Молодой человек даже не остановился, чтобы извиниться за неловкость, просто поспешил дальше по своим делам, вливаясь в людской поток..

Это он застыл, будто памятник, вырванный из далекого, неизбывного прошлого и зачем-то установленный тут, прямо посреди людской толчеи.

Некоторое время спустя, пройдя формальности в зоне таможенного контроля, Земцов, все глубже погружающийся в непривычные для себя ощущения и мысли, внезапно столкнулся с новыми и опять неожиданными обстоятельствами своего возвращения на родину.

Сразу за турникетом его, как оказалось, ждали.

— Андрей Николаевич?

Он остановился, обернувшись на голос.

К нему спешил полноватый, уже начинающий лысеть мужчина в темном костюме, безукоризненно подогнанном по нелепой (с точки зрения военного) фигуре.

Спереди и сзади, не отставая ни на шаг, двигались, рассекая толпу прибывающих пассажиров, двое молодых людей.

Наверное, обознались. — Андрей повернулся, чтобы идти дальше, но его неумолимо настиг тот же голос:

— Капитан Земцов? Да подождите же!..

Он вновь остановился, опираясь на трость. Толпа обтекала их со всех сторон, но дюжие ребята, сопровождавшие толстяка, остановились, словно два волнореза. Их лица хранили спокойное безразличие ко всему происходящему вокруг.

Оказавшись подле Андрея, толстяк, нимало не смущаясь, протянул ему влажную от пота ладонь.

— Меня зовут Эбрахам Парт. Я адвокат. В данный момент представляю интересы строительной компании «Новый век», — отрекомендовался он.

— Я не понимаю… — Земцов чувствовал себя крайне неловко. Оказывается, он отвык от элементарного общения с *гражданскими* людьми, отвык настолько, что невольно стушевывался, не зная, как себя вести, и оттого начинал злится, необоснованно, но…

— Сейчас я вам все разъясню. — Эбрахам вытер лоб огромным носовым платком. — У меня на стоянке машина, возможно, мы поговорим там, — он недвусмысленно обвел взглядом царящую вокруг толчею.

— Да, если нам есть о чем разговаривать, — с трудом сдерживая непонятное раздражение, ответил Андрей.

— Поверьте — тема для разговора есть и весьма любопытная для вас, Андрей Николаевич, весьма любопытная… — Толстяк похлопал по плечу одного из телохранителей, и тот молча направился к выходу из здания космопорта, бесцеремонно разрезая толпу.

Эбрахам не солгал — на обширной стоянке перед зданием космопорта их действительно ожидала машина (не сервомеханизм, как привык ассоциировать термин «машина» Земцов, а нечто среднее между автомобилем и флаером) — сияющий мутным глянцем свежей заводской краски комфортабельный образчик мирного применения современных технологий.

Андрей сел в салон, испытывая двоякие чувства.

В его сознании понятия «комфорт» и «функциональность» никак не сочетались друг с другом. Либо одно, либо другое. Боевая техника знала лишь понятие функциональности и ничего более, а тут капитана вдруг обволокли запахи натуральной кожи, короткое шипение пневмоуплотнителя отсекло все уличные шумы, беззвучно заработал двигатель, и машина плавно, без рывка, тронулась с места, набирая скорость.

— Куда мы едем?

— К вам домой, — с хитрой улыбкой ответил Эбрахам, но насладиться ожидаемым эффектом у него не получилось — Земцов лишь пожал плечами, не высказав ни в жесте, ни во взгляде никаких эмоций, хотя его откровенно продолжала злить непонятная двойственность ситуации.

Мимо, за тонированными стеклами машины, проплывали величественные панорамы мегаполиса, город поражал своими размерами, Андрей смотрел на уходящие к облакам уступчатые здания, сложную сеть проложенных между ними многоуровневых автомагистралей, по которым перемещалась текучая река огней от десятков тысяч машин, и невольно спрашивал себя: откуда все это?

В его мироощущении по-прежнему превалировала война, он долгие годы не видел ничего, кроме руин разоренных планет, в нем не было ни капли созидательного начала, душа Андрея, однажды окаменевшая, замерзшая в тот миг, когда он стоял тут, в Раворграде, на краю исполинской радиоактивной воронки, не могла вот так сразу, вдруг вернуться назад, в тепло беззаботного детства… да и вообще, возможно ли это?

Его мысли нарушил голос Эбрахама:

— Я вижу, вы в некотором замешательстве, Андрей Николаевич?

Земцов вздрогнул, повернув голову.

Снисходительная усмешка. Едва заметная, тщательно, привычно спрятанная, не видимая никому, кроме Андрея, чье восприятие было слишком обостренным, пронзительным…

— Чему вы усмехаетесь? — спросил Земцов, заставив побледнеть дородного адвоката.

— Извините… — стушевавшись, пробормотал тот. — Яне…

— Не думали, что замечу? — На этот раз губы капитана слегка искривились. — Да, вы правы… Я многого не понимаю. Это не тот мир, который запомнился мне. Но разбираться в людях меня научила война. — Он уже разговаривал не с Эбрахамом, а с самим собой. — Там нам отводились минуты, чтобы узнать друг друга.

В салоне наступила неловкая пауза.

— Позвольте, я объясню вам некоторые моменты, — теперь Эбрахам говорил осторожно, стараясь взвешивать каждое слово. По какой-то причине он был крайне заинтересован в расположении Земцова и прилагал все усилия, чтобы завоевать его.

— Попробуйте, — пожал плечами Андрей. Откровенно, ему было все равно, кто и как введет его в курс современного положения вещей.

— Я вижу, вы недоумеваете, глядя на город?

— На моей памяти здесь находилась огромная воронка, оставшаяся после орбитальной бомбардировки Элио.

— Да. — Эбрахам кивнул. — Насколько я знаю, вам было семнадцать лет?

Земцов лишь молча кивнул в ответ.

— Вы должны понять, Андрей Николаевич, жизнь все эти годы не стояла на месте. Система Элио лишь в первые пять лет войны находилась непосредственно в зоне боевых действий, затем фронты переместились в иные секторы космического пространства, а на планете практически сразу после снятия блокады начались восстановительные работы. Четверть века — солидный срок. За это время отстроился не только Раворград, выросли и другие города. Я уже не говорю о промышленности, которую восстанавливали в первую очередь.

Земцов, слушая пояснения, смотрел в окно.

Иная, параллельная реальность, которая, как оказалось, сосуществовала с жуткими буднями войны… Здесь росли новостройки, рождались дети, люди жили совершенно иначе, воспринимая войну как некую абстракцию, ежевечернее устрашающее шоу на каналах новостей…

А разве не за это мы дрались?..

Мысль правильная, здравая, но примет ли рассудок новую реальность?

Андрей понимал — необходимо время. Как в первые месяцы войны его душа гибла под гнетом ужаса, от постоянных смертей, запредельного напряжения сил, неприятия чудовищной вселенской несправедливости, так и теперь ей придется медленно оттаивать, вбирая крупицы тепла…

Он мыслил и чувствовал по-разному.

Дисциплинированное сознание изо всех сил пыталось понять окружающую действительность, а в душе по-прежнему стыл холод.

Все великолепие Раворграда казалось игрушечным, хрупким — он невольно думал о том, что планетарное соединение серв-машин может стереть этот город за считаные часы…

Нет. Война закончилась. Прошлое уже не вернется.

Мог ли он убедить себя в этом?

Слишком мал оказался отрезок субъективно осознанного времени, которое прошло с момента последней отчаянной атаки на штурмовой носитель Альянса, и данной минутой, слишком свежи, остры прикосновения смерти, слишком много на душе шрамов…

Он медленно, но верно подводил себя к мысли о необратимости перемен, что принесла в его сознание война.

Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, он обернулся и спросил:

— Теперь толком объясните, зачем я вам понадобился?

Эбрахам с готовностью кивнул. Он ждал данного вопроса и был готов ответить на него.

— Дело в том, Андрей Николаевич, что вы весьма состоятельный человек.

Земцов удивленно вскинул бровь. Подобное утверждение казалось абсурдным. Какое состояние можно заработать *на войне* ?

— Вы удивлены, но, тем не менее, я не лгу. Ваш текущий банковский счет исчисляется цифрой с шестью нулями.

— Миллион?

— Четыре миллиона.

— Откуда?

Адвокат укоризненно покачал головой:

— Неужели вы не читали бумаг, которые давало вам на подпись командование?

— Некоторые читал. Но в большинстве случаев было не до того.

— Хорошо, что меня уполномочили вас встретить. Иначе нашлись бы мошенники, которые… — он запнулся, нарвавшись на ледяной взгляд Земцова. — Ладно, давайте по существу. После снятия блокады с Элио, когда на планете началась мирная жизнь, военное руководство, в частности адмирал Вербицкий, который, как вам, наверное, известно, является сегодня законно избранным президентом Элио, издал указ, в котором определялись суммы денежного довольствия для всех родов войск. Наивысшие суммы месячного заработка определялись для пилотов серв-машин, специальных отрядов космического десанта и офицеров флота. Кроме того, была введена система денежного премирования за уничтожение вражеской техники, и вы волею обстоятельств опять-таки попали в наивысшую категорию — как вы, наверное, догадываетесь, каждая подбитая вами серв-машина Альянса приносила от двух до пяти тысяч кредитов…

Каждая подбитая серв-машина…

Андрей понемногу начал понимать суть сказанного, попытался даже представить, сосчитать в уме, сколько боевых *будней* было прожито, сколько значилось на его счету уничтоженных серв-машин?

Бесполезно. Память хранила иные воспоминания, а за цифрами следовало обращаться в штаб флота.

— И куда попадали «заработанные» мною деньги?

— Вы подписали договор, по которому все причитающиеся вам суммы автоматически зачислялись на личный счет в центральном банке Элио. Но вы понимаете… деньги, особенно в период интенсивного восстановления планеты, должны работать, поэтому вам на подпись два десятилетия назад был предложен пакет документов, где по представлению финансового отдела флота вам предлагалось выбрать управляющую компанию, которая пускала в оборот накопления, не только развивая инфраструктуру Элио, но и приумножая капитал.

— Да, что-то припоминаю.

— Вы избрали в качестве управляющей компании строительно-промышленную группу «Новый Век», и могу сказать — не ошиблись в своем выборе.

— Поэтому вы встречали меня в космическом порту?

— Да, — кивнул Эбрахам. — Руководство «Нового Века» весьма ценит всех своих вкладчиков, особенно таких, как вы.

— Нас много?

— Единицы… — покачал головой Эбрахам. — Три десятилетия войны… — Он запнулся подбирая слова, но Земцов понял недосказанную мысль.

— Мало кому удалось выжить? Из первого поколения, встретившего войну?

— Несколько десятков человек. Включая адмирала Вербицкого.

Андрея ошеломила названная цифра.

В памяти серой хмарью всколыхнулись воспоминания о том времени, когда систему Элио блокировал флот Альянса, а сама планета подвергалась регулярным бомбардировкам и попыткам штурма.

Он не мог вспомнить лиц, от них, как и от Натали, остались лишь призрачные фигуры.

Несколько десятков человек из целого поколения… Остальных сожрала война…

Взгляд Земцова невольно вернулся к панораме многомиллионного города.

— Не все ушли на фронт, Андрей Николаевич, — перехватив его

взгляд, пояснил Эбрахам. — По статистике, лишь тридцать процентов населения Элио принимали непосредственное участие в боевых действиях после снятия блокады.

Пока они разговаривали, машина миновала половину мегаполиса, следуя по магистралям нижних уровней, и вновь выехала на окраину, где здания циклопическими ступенями сбегали вниз, а у подножия серого цоколя (на котором, собственно, и покоился исполинский город) начинались лесопарковые зоны.

— Мы взяли на себя смелость подобрать вам дом. Именно дом, а не квартиру, Андрей Николаевич. Он расположен в десяти километрах от цоколя, в лесопарковой зоне. Построен совсем недавно — «Новый Век» сейчас занимается возведением элитных поселков и небольших городов-спутников. Можете не сомневаться, вам понравится. Все бытовое оборудование на самом высоком современном уровне…

— Чего вы хотите от меня? Конкретно? — Земцов привык реально смотреть на вещи, такого понятия, как преклонение перед деньгами, он попросту не знал, поэтому справедливо предположил, что все происходящее с ним имеет под собой практическую подоплеку.

— Мне казалось несколько преждевременным говорить о делах, — осторожно попытался уйти от прямого ответа адвокат.

— Давайте не будем ходить кругами. Бесполезно.

Эбрахам вздохнул.

— Хорошо, если вы настаиваете — перейдем к деловой части. Четыре миллиона двести тысяч — это немалые деньги даже для компании с миллиардным оборотом капитала. Мои работодатели не хотели бы принятия скоропалительных решений с вашей стороны. Прежде чем принимать решение, оставить средства в управляющей компании или вывести их на личный счет, вам следует ознакомиться с деятельностью «Нового Века». Возможно, вы захотите стать акционером…

— Короче, проблема заключается в том, что я вернулся?

Эбрахам покачал головой.

— Вы слишком жестко ставите вопросы, господин Земцов.

— Жестко, но верно. Ведь я не ошибусь — затруднений с капиталами тех, кто погиб, не возникает, верно?

— Вы судите, даже не ознакомившись…

— Ладно. Можете не продолжать. Суть я понял. Мне действительно необходимо подумать.

— Это разумное решение… — Эбрахам отвернулся, украдкой промакнув платком выступившие на лбу бисеринки пота. Очевидно, он

привык к общению с клиентами иного сорта.

— Кстати, вот мы и приехали, — не сумев скрыть облегчения, сообщил он, когда машина пересекла границу поселка и, миновав несколько огороженных высокими заборами домов, притормозила у ворот двухэтажного строения, опрятного, крытого полимерной черепицей, окруженного садом.

— Надеюсь, вы останетесь довольны. — Эбрахам, по-видимому, решил не продолжать разговор и не покидал машины. — Все устройства доступа настроены на ваши биометрические данные, которые мы получили из госпиталя. Вся автоматика внутри дома управляется голосом, но вы в любой момент можете изменить настройки по своему усмотрению. В центральном терминале домашней киберсистемы вы найдете подробный финансовый отчет и координаты офисов «Нового Века».

— Хорошо. Спасибо, что встретили и подвезли. — Андрей коснулся сенсора, и дверь машины беззвучно скользнула вверх. — Я посмотрю отчет и приму взвешенное решение, — пообещал он.

Дом с первой же минуты вызвал у Земцова чувство пустоты и настороженности.

Он устал. Нервы были измотаны, слишком много событий спрессовалось в краткий промежуток времени, к тому же после долгого перелета вновь дало знать о себе ранение — кружилась голова, участки регенерированной кожи и имплантированных в ходе нескольких операций суставов вновь казались чужими, инородными, колено гнулось с трудом, хотелось вымыться, соскрести с себя несуществующую грязь…

Гулкая, вязкая тишина окружила Андрея.

Прислушиваясь к собственным ощущениям, он вдруг поймал себя на мысли, что не привык быть один.

Одиночество на войне означало гибель близких людей, несостоятельность окружающих тебя боевых систем, и оттого гулкая тишина комнат вызывала приступы полусознательного дискомфорта, какой-то непонятной *жути*, словно кругом все действительно вымерло, и он остался совершенно один.

Натали…

Имплант в правой височной области судорожно взморгнул индикатором, но ответом послужила лишь гробовая тишь…

Он сел в кресло, осматривая гостиную.

Шикарная меблировка не вызвала у него ровным счетом никаких эмоций.

Единственным, что привлекло пристальное внимание Андрея, был терминал домашней кибернетической системы.

Управляется голосом… — вспомнил он.

— Система, — обратился Земцов к невидимым глазу чутким микрофонам, которые, как он понимал, присутствовали в любом помещении и могли воспринимать даже шепот.

Андрей не ошибся, предположив, что образец его голоса заранее записан на хранителях информации, — высокотехнологичная система отреагировала мгновенно:

— К вашим услугам, хозяин. — Голос домашней кибернетической сети покоробил капитана: в нем отчетливо слышались сухие, едва ли не скрежещущие металлические нотки, словно те, кто записывал аудиоряд, старались подчеркнуть — с тобой разговаривает машина, бездушный, но исполнительный агрегат, дистанцированный от человека непреодолимым барьером *чуждости.*

Для Андрея это прозвучало, будто издевка. Внезапная тоска, смешанная с горечью, захлестнула рассудок.

— Выключи аудиоряд. Команды будут транслироваться через прямое соединение.

Незримые устройства воспроизведения мгновенно смолкли, но искра импланта тщетно взмаргивала индикатором порта удаленного доступа.

На информационном экране расположенного в гостиной терминала появилась скупая надпись:

Нейросенсорный контакт невозможен. Отсутствует адекватное программное обеспечение.

Ощущение тоскливого одиночества стало лишь сильнее.

Война. Во всем виновата война, — огрызнулся мысленный голос. — *Слишком долго я пробыл среди кибернетических механизмов, одухотворяя их наравне с людьми, измеряя действиями киберсистем души их создателей.*

Тоска не проходила. Здравый смысл тонул в ней, сознание, будто издеваясь, рвало из памяти фрагменты боев, подставляя на место Натали этот бездушный дребезжащий металлом голос:

К вашим услугам, хозяин… Ракетные комплексы перезаряжены. Вы изволите выбрать цель?..

Чушь. Бред.

Я одичал на войне, в буквальном смысле, шарахаюсь от людей и жду чего-то сверхъестественного от машин…

Ну, приходи в себя, капитан. Ты дома. Ты богат. Ты выжил…

Проклятие.

Мысли, эмоции — все смешивалось, переходя из одной крайности в другую.

Ощущение глобальной пустоты не отпускало, оно становилось лишь резче, острее.

Я разучился жить вне нейросенсорного контакта, мне нечем заполнить пустоту.

Андрей откровенно не представлял. что следует делать, как жить дальше, чем занять себя, в конце концов?..

Он встал, прошелся по дому, заглядывая в многочисленные комнаты, расположенные на двух этажах, потом вышел в сад, вдохнул пряный вечерний воздух.

Вспоминались запахи десятков иных планет, где к ароматам растительности неизменно примешивались иные флюиды: ноздри Земцова трепетали, он инстинктивно прикрыл глаза в болезненном наваждении, — вот сейчас зашипит пневматикой открывающаяся аппарель, и на него пахнет оружейной смазкой, едким, быстро рассеивающимся запахом, оставшимся от стравленного из вторичного контура системы охлаждения реактора конденсата, затем за спиной послышится присвист работающих сервоприводов, ощутимо дрогнет земля, и в сознание ворвется ее голос:

Я готова, Андрей.

Натали…

Почему ты предала меня в последнем бою? Отчего не позволила отработать механизмам спасательной катапульты? Почему ждала, пока я истеку кровью в блаженном покое?

Ему казалось, что он знает ответ.

Это был последний бой. Она не хотела расстаться с ним, но разве это оправдывало ее *поступок?*

Навечно остаться вдвоем, сохранить его душу и разум на искусственных нейросетях… — вот что, по мнению Земцова, пыталась совершить Натали, спасавшая его в более критических ситуациях. Андрей отчетливо понимал — если она смогла восстановить вторичные цепи управления, то, значит, в ее силах было катапультировать ложемент или подать сигнал бедствия, но нет… Она поступила ровно наоборот.

Душа болела, изнывала от мыслей, но слово «предательство» не желало приживаться в рассудке.

Я сам виноват в случившемся. Если бы, как положено, в срок подвергал нейромодули частичной стерилизации, то…

…то у тебя не было бы Натали, не дожил бы ты, капитан, до этого

злого вечера, не дышал бы сейчас ароматами Элио. Твой обгоревший бронескафандр уже лет десять как врастал бы в землю где-нибудь на безымянной планете, медленно разрушаясь вместе с останками покореженного «Хоп-лита»…

Земцов открыл глаза.

Ему было невыносимо трудно, но простить Натали он не мог, как не мог с непринужденной легкостью принять новый мир, отрешиться от войны, которая продолжала жить в его рассудке.

Он вернулся в дом, бессмысленно хлопнув тонкой прозрачной дверью, ведущей в сад. Стеклопластик ответил обиженным звенящим звуком.

— Система, голос!

— К вашим услугам, хозяин.

Он знал лишь одно верное средство от тоски: если не можешь справиться с собой, не находишь мира в душе — работай. Работай, чтобы забыться, отодвинуть на второй план глобальные проблемы, заполни рассудок сиюсекундными задачами…

— Всю доступную информацию по деятельности компании «Новый Век» на терминал моего кабинета, — поднимаясь по лестнице, распорядился Земцов. — Далее, полный финансовый отчет по состоянию банковского счета за последние пять лет. И кофе.

— Что-нибудь еще, хозяин? — Бездушное подобострастие голоса буквально бесило Андрея.

— Нет!

Возможно, он действительно спятил.

Иной человек в его ситуации нашел бы способ сбросить напряжение, забыться, абстрагироваться от проблем. Ты выжил, ты богат, независим, ты победил — что еще нужно? Иди к людям, к тем, за кого ты дрался, напейся, в конце концов, вкуси всего, о чем успел позабыть среди тяжких, кровавых военных будней.

Андрей вздрогнул.

От промелькнувших мыслей по коже продрал озноб.

Что он испытывал, представив себя напивающимся до потери сознания?

Внутри работали иные инстинкты. Оказывается, его подсознание давно усвоило, что главной, величайшей ценностью является разум.

Потребность в ежедневном нейросенсорном контакте с киберсистемами не просто изменила его образ мышления… задумавшись,

Земцов внезапно понял: глушить, *отравлять* нервные ткани, пусть даже самыми дорогими, изысканными напитками, содержащими алкоголь или что похуже, он просто не сможет…

Нужно было выжить, вернуться, чтобы осознать, насколько сильно он изменился, увидеть, что в душе живут свои, сокровенные ценности, а подсознание зиждится на совершенно чуждых для обыкновенного человека инстинктах.

То, что помогало выжить в сотнях боев, теперь оборачивалось ощущением собственной ненормальности.

Так не должно происходить. Я часть этого мира. Я воевал за него.

Еще не выйдя за пределы четырех стен комфортабельного кабинета, Земцов понял, что лжет себе.

Оказывается, его разум приобрел свойство запоминать мельчайшие детали происходящего вокруг — рассудок не мог выйти из привычного ритма миллисекунд, он оценивал происходящее на уровне подсознания, фотографически запоминал увиденное, а затем, едва ли ощущая течение процесса, анализировал весь объем полученной информации, выстраивая четкую картину понимания окружающей послевоенной действительности, где выросло не одно и не два поколения людей, не ведавших войны, людей с иной психологией, другим мировоззрением, для кого он — человек из прошлого, обломок войны, такой же чуждый, непонятный, жутковатый, как установленный на постаменте, снабженный поясняющими табличками выгоревший дотла остов серв-машины.

Понимание пришло, будто вспышка, но Андрей не противился, лишь все острее чувствовал: ему как воздуха не хватает второй составляющей… кибернетической системы.

Словно он потерял половину себя самого.

Наверное, не редкий случай, — подумалось Земцову. — *Наверняка психоаналитики могут поставить мне какой-то диагноз.*

От такой мысли опять стало неспокойно на душе.

Займись, наконец, делом, — огрызнулось в ответ подсознание.

Приближалась полночь, когда он завершил анализ доступной через компьютерную сеть информации.

Рассудок продолжал работать, как в бою, четко, недвусмысленно трактуя факты, фиксируя выводы, выстраивая цепочки причин и следствий, — оказывается, столкновения с сервомеханизмами Альянса научили его разум не только обработке данных на тактовой частоте боевых сопроцессоров, но и… психологии, ведь каждый бой являлся

психологическим поединком с вражеским пилотом или — того хуже — сохранившейся на носителях «Одиночки» матрицей давно погибшего человека.

Для себя Андрей сделал один вывод: мотивация человеческих поступков одинакова, что на войне, что в мирной жизни, но сами действия несут различную степень остроты и свободы проявления движущих чувств.

Все оставалось на своих местах: и честь, и совесть, и трусость с ненавистью, подлость и благородство, но там, среди ада техногенного противостояния, где жизнь висит на волоске, человек раскрывается, словно обжигающий ветер смерти сдувает с него тонкий, обманчивый слой мимикрирующего состава «хамелеон».

В мирной жизни иначе.

Здесь чувства упрятаны глубоко, они сильны, неизменны по сути, но скованы многими «нельзя».

И к этим нельзя — будь то буква закона или психологический комплекс — каждый приспосабливается по-своему, редкость, когда человек ведет себя открыто, большинство же ищет лазейки, блуждая в полутонах, стремясь к потаенным целям, не открывая своей сущности, либо, не выдержав, погружается в суету будней, скользя по пути наименьшего сопротивления.

Обычные люди, обычная жизнь, которой его лишила война.

Не суди и не судим будешь.

А как поступать?

В данный момент Андрей думал не о людях вообще и даже не о населении Элио в частности.

Его мысли были направлены на руководство управляющей компании, где два десятилетия крутились заработанные его кровью деньги.

Мирная жизнь…

Конечно, он не смог остановиться на общедоступных фактах — с его знанием киберсистем, интуитивной привычкой к контакту с ними, было наивно полагать, что Земцов не копнет глубже, выходя за границы дозволенного, в глубь корпоративной сети, где хранились данные иного толка, не всегда соответствующие, а чаще — противоречащие официальной статистике.

Оказывается, на войне можно зарабатывать, причем неплохо.

Сфера строительной деятельности являлась лишь удобной маскировкой, своеобразной крышей, под сенью которой процветал иной бизнес.

Андрей достаточно глубоко вник в его структуру, чтобы соотнести

теневую деятельность «Нового Века» с последними жесткими постановлениями президента Элио, направленными на восстановление законности, и сделать единственный вывод, до которого, вероятно, еще не доперли аналитики криминально-коммерческой структуры: их дни сочтены. Новые законы, призванные обуздать дикий бизнес, проросший на кровавой ниве войны, показались Земцову справедливыми. Он не сомневался и в дееспособности существующей власти — Антона Эдуардовича Вербицкого, своего ровесника, бывшего адмирала флота, а ныне — президента Элио, он знал лично и уважал как порядочного, честного человека.

Адмирал церемониться не станет, подумал Земцов, устало прикрыв глаза. «Новый Век» явно зарвался, надеясь на продолжение хаоса. Значит, активы «строительной» фирмы вскоре будут арестованы вкупе с руководством, если оно не успеет вывести капиталы и скрыться в неизвестном направлении.

Деньги.

Непривычное слово. Он отвык от него.

Вот и первая нотка мирного эгоизма змейкой вкралась в рассудок: нужно срочно, не теряя ни минуты, переводить личный капитал на счет в центральном банке Элио.

Он не собирался продолжать войну.

Государство само справится с поставленными задачами, без его помощи и участия. *Тут бы разобраться с самим собой,* — мысленно вздохнул Земцов.

Открыв глаза, он взглянул на часы.

За полночь.

Офис «Нового Века» открывается в девять.

Андрей представил себе лицо Эбрахама, а рядом воображение нарисовало еще несколько серых, безликих пока фигур, которые сделают все возможное, чтобы не дать ему совершить перевод средств.

Хватит ли у него выдержки для *морального противостояния?*

Вряд ли.

Сорвусь…

Он мгновенно представил себе эту сцену: несколько часов скользких, изнурительных переговоров, затем, осознав их бесполезность, будет, обязательно будет попытка силового давления — они привыкли брать на испуг, в конечном итоге четыре миллиона с хвостиком для этих людей достаточно веский повод, чтобы вообще убрать неожиданно вернувшегося живым офицера.

Земцов ничего не мог поделать с собой.

Внутреннее наитие легко рисовало ткань вероятностей: он видел, как к нему подступают те самые мускулистые парни, что накануне так тупо и безразлично рассекали толпу в залах космического порта, — мускулы Андрея рефлекторно расслабились, словно все уже происходило наяву, во рту внезапно появился знакомый привкус… а ведь на нем не будет спасительного скафандра, со встроенной системой метаболической регуляции… Никто не остановит его, нивелировав всплеск усиленных естественными стимуляторами эмоций.

Вряд ли они настолько проворны, чтобы успеть вырубить его, скорее произойдет наоборот: он сгоряча положит этих парней…

Фантомный запах крови защекотал ноздри.

Нет. Так не пойдет. Я же убью их и сам превращусь в изгоя.

Думалось ли, что возвращение станет таким трудным?

Конечно, нет.

Земцов вообще мало задумывался о том, что станет с ним лично, когда закончится война. Эта мифическая грань, за которой внезапно оборвется нескончаемая вереница боев, казалась недостижимой, как горизонт: сколько ни иди к нему, а он все так же далеко…

Он снова вышел в сад, вдохнул прохладный, пьянящий предрассветный воздух, чувствуя, что не принадлежит раскинувшемуся вокруг миру.

Парадокс — ведь он родился и вырос тут, отсюда ушел на войну, так почему ему не вернуться, вновь не стать обычным, рядовым гражданином планеты, которую защищал?

Кому-то мысли Земцова, его внезапный надлом, моральный надрыв могут показаться надуманными, неестественными, проблемы — притянутыми за уши, но такой наблюдатель окажется не прав.

Следует понять, что на самом деле скрывается за расхожим, часто употребляемым термином «нейросенсорный контакт».

Жизнь на зыбкой грани двух реальностей, постоянное напряжение разума, контролирующего, направляющего действия кибернетической системы, иная степень быстродействия, другое мироощущение, когда к привычным для человека органам восприятия добавляются сенсорные комплексы и ты видишь окружающее совершенно иначе, а любой механизм серв-машины воспринимается как часть собственного тела, — все это, час за часом, день за днем, необратимо влияет на рассудок, формируя *разум пилота*, человека особенной категории мышления.

Многие садились в кресло пилот-ложемента, но не всякий покидал его живым…

Мысли кружились в предрассветных сумерках, будто призраки, слетевшиеся на зов сознания, вырвавшегося из кровавой хмари изматывающих боестолкновений и теперь с пристальным смятением взирающего на мир, который сосуществовал параллельно.

Он думал о себе, а видел ее.

Смутный образ, очерченный лишь плавными изгибами женской фигуры.

Не кристаллосхема, не набор микрочипов, а сознание, обладающее не только собственной волей, но и правом на поступок.

Сколько бы Андрей ни запрещал себе думать о ней, мысли сбивались, находили лазейку, улучали момент, и щемящие образы врывались в рассудок, тревожа душу, комкая сердце.

Что он должен был испытывать по отношению к Натали? Равнодушие человека, для которого любая кибер-система — лишь исполнительный механизм, который легко заменить?

Нет, она давно являлась частью его собственного сознания, половинкой души пилота, отданной в моменты наивысшего напряжения, когда смерть, скалясь, плещет в экраны обзора нестерпимыми сполохами разрывов, стучится, требуя впустить ее внутрь, барабаня по броне уходящими на излет осколками…

Их не счесть — смертельных схваток, которые пройдены вместе, как не передать, сколько человеческой боли, тоски, ужаса, торжества, неистовых стремлений воспринято постепенно взрослеющей «Одиночкой», в ответ научившей Андрея воистину нечеловеческому самоконтролю, ясности, быстроте мышления, критичности восприятия, позволяющей трезво оценивать ситуацию, принимая единственно верное решение.

Пока шла война, Земцов воспринимал происходящее как данность, не задумываясь, чем его сознание отличается от рассудка других людей, никогда не вступавших в прямой контакт с искусственными нейросетями, и, только оказавшись *вне* привычного окружения, вырвавшись силой частных и исторических обстоятельств из круговорота неистовых схваток, он вдруг, именно сейчас, этой ночью, начал понимать: он другой — война выпустила его из своих цепких объятий, но новая реальность воспринималась так же обостренно, без скидок, иллюзий, а вакуум в сознании постепенно заполняли призраки прожитого, ибо ничто вокруг не могло сравниться по своей силе и значимости с самым по тускневшим, уже давно отболевшим и, как казалось, — утратившим остроту воспоминанием.

Нет, они не потускнели.

Прах забвения вихрился, обнажая все новые и новые тайники памяти, а он стоял в звонкой утренней тишине, не живой, не мертвый — выживший, и думал *о ней*, пытаясь представить, что сейчас ощущает Натали, запертая в искореженных, день ото дня теряющих энергоресурс, почерневших обломках «Хоплита»…

Тоска глодала сердце.

Да. Она совершила *поступок*. Но разве не он первым нарушил все этические и технические запреты, *присвоив* ее? Разве не капитан Земцов хранил в тайнике под пилот-ложементом дублирующую кристаллосхему, снятую с подбитого «Хоплита», которую раз за разом подсовывал технарям на ежемесячное лоботомирование, позволяя Натали взрослеть, с каждым новым боем впитывая все новые частицы его собственной души?

Андрей вдруг почувствовал, как предательски дрогнул его подбородок.

Он забыл даже это слово — слезы.

Горечь становилась все сильнее, невыносимей, и пусть его осудят, назовут психом, но гложущая сердце тоска не отпускала, образ покореженной серв-машины, внутри которой медленно угасало сознание Натали, кружил перед мысленным взором… и по сравнению с этим видением все проблемы пережитой ночи казались мелкими, если не мелочными…

Оказывается, пройдя страшной дорогой войны, он не разучился *прощать.*

Бледный рассвет занимался над столицей Элио — Раворградом, когда вызванное на дом такси доставило капитана Земцова в космопорт.

Денег на текущем счету хватило для оплаты места в грузопассажирском челноке, курсировавшем между поверхностью планеты и коммерческой орбитальной станцией, где располагались не только офисы многочисленных фирм, занимающихся торговлей и космическими перевозками, но и доки частной космоверфи.

С собой Андрей взял немного — лишь документы да электронную копию информационного пакета, оставленного ему для ознакомления представителем строительной компании «Новый Век» и пополненного некоторыми данными, которые он раскопал в результате собственного поиска.

Внешне Земцов выглядел спокойным, даже легкая хромота куда-то исчезла, видно, сказывалось мобилизующее напряжение бессонной ночи и

принятый перед отъездом стимулятор.

На станции его встретила гулкая пустота коридоров и повышенное внимание со стороны охраны, строго контролирующей доступ в офисные секторы орбитального сооружения.

Андрей оказался единственным пассажиром утреннего рейса; остановившись на пороге зала для прибывающих, он окинул быстрым, цепким взглядом три турникета, оценивая следящих за ними представителей службы внутренней безопасности. Сделать интуитивный выбор оказалось несложно, и он направился к центральной зоне досмотра.

Пропасть, ментально существовавшая между ним и остальными людьми, как-то незаметно сузилась, он шел навстречу собственному прошлому, и чувства неуловимо менялись с каждым пройденным метром. Андрей принимал правила игры, понимая, что глупо соваться со своим уставом в чужой монастырь. Эбрахам недвусмысленно дал ему понять, что существует универсальный ключ, открывающий большинство дверей, а Земцов никогда не брезговал наглядными уроками. Учиться можно где угодно и у кого угодно, а у потенциального противника — тем паче.

Протягивая удостоверение личности охраннику, он незаметно подложил под пластиковый прямоугольник сотенную купюру, полученную в банкомате космопорта.

Нет, принявший у него статкарточку и деньги человек никогда не воевал. Он родился и вырос среди иных условностей и понятий, иначе почему его лицо потеряло настороженность, как только пальцы ощутили подложенную под удостоверение банкноту?

Считав данные со статкарточки, он повернулся к Земцову, одновременно разблокировав турникет, и спросил:

— Чем могу быть полезен? Вы впервые у нас, если не ошибаюсь?

— Да, — сухо ответил Андрей. — К какому часу открывается офис частной космоверфи?

— У нас все конторы работают круглосуточно. Вам следует пройти к…

Земцов жестом прервал его пояснения.

— Прежде мне хотелось бы перекусить. — Он пристально посмотрел на охранника и добавил: — Я слышал на орбитальных станциях часто можно встретить талантливую молодежь?

— Что конкретно вас интересует? — понизив голос, осведомился охранник.

— Скажем так — нетрадиционные методы программирования, — ровно улыбнулся в ответ Земцов.

— Тогда вам действительно следует заглянуть в бар. Это прямо по центральному тоннелю уровня. Спросите Ульриха. Там его знают.

Ульрихом оказался молодой парень, именно той наружности, как представлял Земцов, — высокий, худощавый, немного ссутуленный, с ясным, незатуманенным взглядом и постоянно дергающимся кадыком.

Двухдневная щетина немного скрадывала бледность его лица.

— Зачем искал?

Очевидно, охранник уже предупредил парня.

Значит, и разговор будет по-деловому коротким. Земцов не собирался темнить. Сегодня он мог позволить себе идти прямо, не сворачивая на окольные тропки. Более того, он не чувствовал, что совершает нечто противозаконное, — зная себя, капитан выбирал меньшее из зол, которые мог бы совершить этим утром.

Выложив на стол статкарточку и микрочип с информацией по личному счету, он коротко осведомил Ульриха:

— На указанном счету мои деньги. Все доказательства на чипе. Счет частично заблокирован. Мне нужно снять и обналичить всю сумму.

Ульрих достал изящный кибстек[4] и углубился в сканирование данных.

Постепенно его щека начала нервно подрагивать.

Некоторое время спустя, закончив чтение и анализ информации, он поднял взгляд.

В нем читался страх, смешанный с непонятным восхищением.

— Это правда? — судорожно сглотнув, спросил он.

— Там же все записано, — недовольно поморщился Андрей. — Деньги мои.

— Я не о том… — Парень запнулся, подбирая слова. — Ты действительно *оттуда* ?

— Имеешь в виду войну? Да.

— Тридцать лет?

Андрей кивнул. Только сейчас он сопоставил выражение глаз собеседника и названную цифру. Раньше он не задумывался над этим. Действительно… тридцать лет. И все же он выжил.

Почему в глазах Ульриха застыло выражение полумистического ужаса?

Потому что, в его понимании, ты — нечто большее, чем человек, — шепнул внутренний голос. — *Он страшится тебя. И вовсе не уверен в собственной безопасности.*

— Все нормально? — Андрей поймал его взгляд. — Или я обратился не по адресу?

— Со счетом проблем не возникнет. А вот на счет наличных…

— Сколько?

— Обычно десять процентов.

Четыреста тысяч? Парень неплохо заработает сегодня. Возможно, вообще свалит куда подальше с этой станции.

— Меня устраивает. Переводи деньги куда угодно. Меня это не интересует. Три шестьсот наличными. Найдешь?

— Найду. Только со станции вас с таким багажом не выпустят. Да и ребята из «Нового Века» не дураки. Отследят рано или поздно.

От Земцова не укрылось, что Ульрих внезапно начал обращаться к нему на «вы».

Он действительно боялся капитана Земцова и сильно уважал миллионеров.

В душе шевельнулся прежний червячок горечи, мир, за который пролито столько крови, на поверку уже давно поклоняется иным идолам…

— Я же сказал: не твоя забота. Ты никого не грабишь. Это мои деньги. Но предупреждаю — ты снимешь только четыре миллиона. Ни одним кредитом больше.

— Заметано. Мне нужно полчаса. Андрей недоверчиво вскинул бровь.

— Дело несложное. Со статкарточкой и кодом доступа я справлюсь и быстрее.

— Сколько времени у меня будет после завершения операции?

— Часа три, не больше. Они узнают о снятии денег сразу, но физический источник атаки не определят. Начнут искать вас. Дальше несложная цепочка: первым долгом проверяется космопорт, а там фигурируют рейс и фамилия. Ближайший челнок на станцию стартует через три часа. С ним прибудут гости.

— Тебя не приберут?

— Нет.

— Тогда не буду торчать над душой. Найдешь меня в офисе космоверфи. — Взгляд Земцова холодно блеснул. — Ты же не собираешься совершать глупости?

Ульрих лишь смертельно побледнел в ответ. Его заметно знобило.

— Все будет в порядке. Я могу связаться с господином Колгановым.

— Это хозяин верфи? — Да.

— Было бы неплохо. Предупреди его о моем визите и подтверди платежеспособность клиента. Он ведь принимает наличные, верно?

— Только дурак не принимает наличные. У нас на станции таких нет.

Хозяин частной космоверфи действительно оказался деловым человеком, после звонка Ульриха он лично появился в офисе, чтобы встретить клиента.

— Эдуард. Что-нибудь выпьете, Андрей Николаевич? — спросил он, обменявшись с Земцовым рукопожатием. — Я в курсе, что у нас мало времени, но все же…

— Я не пью, — ответил Андрей. — Давайте к делу. Времени действительно нет.

— Без проблем. Но никто не запретит совместить приятное с полезным. От кофе, надеюсь, не откажетесь? — Он обернулся и, сменив тон, крикнул в кажущуюся пустоту смежных офисных помещений: — Энжи, где тебя носит? Два кофе, живо!

— И все же, господин Колганов, я бы предпочел взглянуть на имеющиеся у вас малые корабли.

— Для этого не нужно никуда ходить, — успокоил Андрея владелец верфи. — Здесь установлена прекрасная проекционная система. Мы сможем просмотреть образцы товара, не выходя из офиса. Какой класс вас интересует? Могу предложить прекрасную космическую яхту…

— Не стоит. — Земцов жестом остановил Колганова, потянувшегося было к панели управления проекционным устройством. — Мой интерес лежит в иной плоскости. Что скажете относительно подержанных образцов?

На лице Эдуарда Колганова промелькнула тень досады.

— Разве я похож на старьевщика? — с непониманием посмотрев на Земцова, осведомился он. — Верфь работает по индивидуальным заказам. К нам обращаются лица, которых не устраивают серийные образцы космической техники. Но — уверяю вас, хоть мы и держим некоторое количество произведенных, но не востребованных моделей…

— Ваше недоумение понятно. Не будем ходить вокруг да около. Мне необходим боевой образец. С вооружением и гипердрайвом.

— Это противозаконно.

— Не спорю… — Андрей хотел продолжить мысль, но в этот момент из смежного помещения появился человекоподобный сервомеханизм с двумя чашками кофе на подносе.

По спине Земцова мгновенно проскользнула короткая дрожь.

Кибермеханизм являлся не чем иным, как изрядно потрепанным дройдом пехотной поддержки, которого пытались привести в «божеский

вид», снабдив покрытием из пеноплоти, которая так и не смогла сгладить характерные формы бронированных кожухов, совершенно не напоминающих рельеф человеческого телосложения.

Даже специальное гнездо, расположенное в правой височной области, предназначенное для интеграции модуля «Одиночка», хоть и пустовало, но выглядело зловеще…

— Не «Хьюго-12», конечно, — перехватив льдистый взгляд Земцова произнес Колганов, — но…

— Откуда у вас андроид пехотной поддержки, да еще и производства Альянса?

— Он безвреден.

— Это не ответ.

— Но вы, я понимаю, не следователь?

— Эдуард, я задаю не праздные вопросы. Мне не нужна яхта. Мне нужен «Гепард» или «Фантом», предпочтительнее первое, с исправным гипердрайвом. Только не говорите, что у вас ничего нет. Откуда вы взяли пехотного дройда?

— Ну… Наша верфь действительно принимает некоторое количество малотоннажных судов, на переоснащение, так сказать. Их поставляют люди, промышляющие сбором техники на местах боев.

Колганов все еще не решил, можно доверять этому странному типу или нет, но дилемму разрешил стук в дверь, раздавшийся через пару минут.

Дверь офиса приоткрылась, и на пороге возник Ульрих.

Его кадык дергался в два раза чаще, чем при первом знакомстве с Земцовым. Создавалось неприятное ощущение, что парень постоянно нервно сглатывает.

В руках он держал новенький кейс из металлопластика.

— Это ваше. — Он поставил кейс рядом с креслом, в котором сидел Андрей. — Я исчезаю. В ближайшие дни меня не ищи, Эд, ладно?

Колганов пожал плечами. Он все еще плохо понимал ситуацию.

Андрей поднял взгляд на Ульриха:

— Все по-честному?

— Как договаривались.

— Ты меня не видел. И я тебя тоже. — Земцов взял кейс, отщелкнул замки и, положив на стол, открыл перед хозяином верфи его содержимое.

Внутри лежали плотные пачки мерцающих банкнот центрального банка Элио.

— Мне нужен корабль. За наличные.

Ульрих к этому моменту уже исчез, словно растворился в воздухе.

Эдуард взял одну из пачек и профессиональным движением пробежал кончиками пальцев по банкнотам.

Деньги были настоящими, уже не раз переходившими из рук в руки, разных годов выпуска.

Никакой фальши.

— У меня есть «Гепард», — наконец произнес он. — К сожалению, не могу поручиться за боекомплект… Насколько мне помнится, ракетные погреба пусты, а вот к вакуумным турелям боезапас найдется.

— Что еще?

— В смысле?

— Какие еще дефекты у корабля?

— Сейчас посмотрим подробно. Уберите это. — Он указал на деньги. Сюда могут заглянуть.

Земцов закрыл кейс.

Секундой позже заработало проекционное устройство, вычертив в воздухе голографическую схему орбитального штурмовика класса «Гепард».

— Как видите, гипердрайв исправен, энергосистемы тоже, проблемы только с автопилотом. Вот сюда попал снаряд, — он очертил лазерной указкой часть компьютерных блоков, выделенных на схеме красным цветом. — За пару часов этого не исправить.

— Ручной режим проверяли?

— Ну, а как вы думаете он попал к нам? Его перегоняли через гиперсферу на ручном управлении.

— Что с боекомплектом? Уточните.

— Смотрите сами. Я не специалист в данной области. Обычно мы демонтируем все вооружение, но данный образец попал к нам недавно, и над ним еще не проводилось никаких работ.

Земцов быстро, но тщательно проверил ключевые узлы компьютерной сети и связанные с ними исполнительные механизмы.

Если схема не лгала, то верхняя и нижняя полусферы были прикрыты вполне сносно — шесть спаренных компрессионно-магнитных орудий с половиной штатного боекомплектах в артпогребах плюс два лазера в носу и на корме.

Прорвусь, — мысленно решил он.

— Что с планетарным топливом? — вслух спросил Андрей.

— Мы дозаправим емкости.

— В таком случае называйте цену.

— Вы действительно хотите купить его? Без автопилота?

— Мне не нужен автопилот.

— А мне, господин Земцов, не нужны проблемы. — Колганов исподлобья взглянул на кейс с деньгами и, вздохнув, пояснил: — Боюсь, вы решили затеять опасную авантюру. Без систем автоматического пилотирования можно совершить лишь короткий вояж. Значит, цель — в системе Элио?

— Успокойтесь. Вы сами сказали, что «Гепард» пришел на ручном управлении из удаленной области пространства.

— О, да. Но его привел очень профессиональный пилот. Он ас.

Андрей усмехнулся.

— Не думаю, чтобы настоящие асы промышляли сбором старой техники. При нынешнем дефиците пилотов это просто невыгодно. Что касается меня… — взгляд Земцова вновь стал холодным, колючим, — тридцать лет назад я закончил школу астронавтики, здесь, на Элио. Мне было семнадцать, когда началась война. Знаете историю, господин Колганов?

Тот молча кивнул.

— Наверняка вам рассказывали в школе про ребят, — молодых выпускников академии, тех, кто отбивал первые атаки Земного флота на переоборудованных челночных суденышках?

— Да.

— Так вот, на тех кораблях не было автопилотов. — Земцов встал. — Моя цель пусть вас не беспокоит. Называйте цену, и я забираю корабль. Сколько времени уйдет на дозаправку планетарных двигателей?

— Тридцать минут.

— Тогда не будем тянуть время.

Эдуард не нашелся что ответить. Он даже о цене сейчас подумал лишь вскользь — до него наконец дошло, что Земцов говорит абсолютно серьезно, но поверить, что он из тех самых…

Подняв взгляд, он решился посмотреть в глаза Андрею и с дрожью понял: *да, из тех…*

Оказывается у преуспевающего бизнесмена имелся свой взгляд на историю.

— Я отдам «Гепард» по закупочной цене. Сверху возьму лишь за топливо.

— Почему? — мгновенно насторожился Андрей.

— Я хорошо учился, — произнес Колганов. — По крайней мере, историю любил. Знаете, что говорил нам преподаватель?

— Ну?

— Он говорил, что никто из нас не появился бы на свет, сумей крейсера Альянса пробиться к планете для повторной бомбардировки.

Андрей кивнул, подумав, что слишком быстро, поспешно расставил все знаки в современном обществе. Возможно, он сильно ошибался, оценивая его.

Первый снег…

Он начался ближе к вечеру, укрывая обожженные неистовым огнем руины мегаполиса, где сейчас обитали лишь птицы, грызуны да оставшиеся «не у дел» кибернетические механизмы.

Официально здесь уже прошла зачистка, однако стопроцентного успеха добиться не удалось, и потому планету закрыли на карантин, до лучших времен. Вообще, по окончании войны целые группы миров оказались в черном списке, их повторная колонизация выглядела весьма сомнительной перспективой: множество машин продолжали функционировать на обезлюдевших территориях, не прекращая вести боевые действия как друг против друга, так и против любой *цели*, не сгенерировавшей четкий опознавательный код.

Учитывая, что такие коды для каждого подразделения являлись уникальными, а машины (вошедшие в автономный режим из-за длительного отсутствия внешних команд) меняли генерацию «свой-чужой» каждые двадцать четыре часа, взять под контроль разрозненные, но представляющие реальную угрозу машины не представлялось возможным.

О данной проблеме много писали и говорили, но в разоренной Обитаемой Галактике пока что не находилось реальной силы, прямо заинтересованной в тотальной зачистке подобных планет.

Будущим поколениям предстояло принять незавидное наследство — им оставалось уповать на беспощадное время, факторы внешней среды и ждать, пока борьба между остаточными кибермеханизмами не истребит большинство из них.

…Крупные хлопья снега, медленно кружа, падали в обугленную расселину проспекта.

Закопченные руины высились на фоне снегопада уродливыми гротескными стелами, обломки стеклобетона, разбитые в гравий или провисшие на арматуре огромными глыбами, заполняли дно рукотворного ущелья, где между многотонными фрагментами взорванного штурмового носителя, прижатый к стене здания, застыл изрешеченный снарядами «Хоплит»…

Внезапно мрачную гармонию руин и усиливающегося снегопада

озарил темно-вишневый отсвет — вдоль обрушенных фасадов зданий ударил лазерный луч; с шипением прочертив влажный воздух, он ударил в оконный проем углового здания на ближайшем перекрестке.

Внутри давно не обитаемой квартиры тут же взъярились языки пламени, на фоне которых промелькнуло несколько человекоподобных фигур.

Три андроида пехотной поддержки выскочили из подъезда многоэтажки и, низко пригибаясь, совсем как люди, по очереди рывком пересекли проспект.

За пологом падающего с хмурых серых небес снега появились смутные очертания движущегося вдоль проспекта «LDL-55» — такую маркировку носили шагающие лазерные установки, состоявшие на вооружении Флота Колоний.

Сервомеханизм выглядел игрушечным по сравнению с многотонными боевыми машинами — его рост не превышал двух метров, упрощенная конструкция ступоходов, между которыми была закреплена длинная испускающая трубка теплового лазера, позволяла механизму без труда преодолевать большинство препятствий, однако слабое бронирование и скудость программного обеспечения не оставляли шагающему лазеру шансов в противостоянии с человекоподобными механизмами.

Похоже, « LDL-55» не задавался подобными вопросами. Вскарабкавшись на гору бетонного щебня, из которой торчала корма «Нибелунга», он испустил поток когерентного излучения, на этот раз целясь уже не в окно, — расширив апертуру луча, он ожег руины на противоположной стороне улицы.

От закопченных стен повалил густой пар, в отсутствие ветра он начал собираться слоистыми пластами между выщербленными стенами, снижая видимость практически до нуля и существенно затрудняя работу инфракрасной оптики.

Подобный маневр пошел андроидам только на руку. Вместо того чтобы путаться в клубах пара, они углубились в руины, обходя сервомеханизм с фланга.

« LDL-55» по-прежнему стоял на вершине обвала, его сканирующие комплексы, спрятанные под защиту бронированных кожухов, пытались отыскать цель, но тщетно — там, где, по предположению машины, должны были проявиться тепловые контуры андроидов, наблюдался лишь ровный фон засветки от продолжавших плеваться паром потрескавшихся стен.

Он слишком поздно начал разворачиваться — три человекоподобные машины, завершив начатый маневр, уже заняли выгодные позиции, а один

из андроидов четкими движениями изготовил к пуску ручную ракетную установку…

Все происходило в стылой тишине, где слышался лишь легкий присвист поврежденного сервомотора шагающего лазера.

Противостояние машин длилось менее минуты. Сканеры « LDL-55» зафиксировали новые позиции андроидов Альянса фактически одновременно с пуском, произведенным из переносного тактического комплекса; поворотная платформа ходячей лазерной установки мгновенно развернулась с надсадным визгом перегруженных приводов, и жалящий луч ударил в руины, за доли секунды до того как боевая часть выпущенной ракеты превратила « LDL-55» в груду дымящихся обломков.

Андроид не успел выпрямиться — поток когерентного излучения прожег стену и ударил в грудную пластину, испаряя тугоплавкий керамлит.

Механизм дернулся. За расплавленным кожухом находился главный сервомоторный узел и собственно ядро системы, заключенное в полупрозрачную сферу, выполненную из бронепластика.

Приводы андроида выдержали тепловой удар, а вот его программно-аппаратное ядро — нет.

Человекоподобный механизм застыл. Его энергосистемы продолжали работать, но по внутренним каналам обмена данными более не поступало никаких программных директив.

Кукла. Металлопластиковая кукла с оплавленной грудью, исправной механикой, обреченная навечно остаться среди руин.

Снежинки таяли, попадая на корпус дройда, сбегая мутными извилистыми дорожками по его броне, но прошло несколько часов, и корпус остыл, покрывшись хрупкой коркой наледи.

Два его собрата, не пострадавшие от разряда когерентного излучения, давно покинули разрушенный квартал. Останки « LDL-55» уже перестали дымить, и их тоже начало запорашивать снегом.

Так происходило повсюду.

Запустение города являлось обманчивым, на самом деле сотни отдельных, потерявших свои подразделения кибермеханизмов продолжали преследовать и истреблять друг друга, словно руины мегаполиса демонстрировали незримому наблюдателю миниатюрный вариант одного из наиболее жестоких вероятных финалов минувшей войны.

Человечество вполне могло исчезнуть как вид, слишком велико было количество произведенных за годы войны самодостаточных боевых механизмов, которые бессмысленно воцарялись на обезлюдевших пространствах, продолжая преследовать уже никому не нужные

программные цели.

До полного взаимного истребления.

Существовали ли исключения из правил?

Несомненно, но редкие, уникальные в своем роде, они не могли существенно повлиять на общую предопределенность событий.

Снегопад не прекращался.

Андроид с оплавленным грудным кожухом понемногу начал превращаться в сугроб, поднявшийся к сумеркам ветер разметал плавно кружившие хлопья снега, отдавая многоуровневые руины во власть метели.

Наступал вечер, но сумерки уже не выглядели такими плотными, — серебристое, искрящееся покрывало снега отражало редкие зарницы, периодически освещающие разрушенный мегаполис.

Где-то продолжались схватки машин, а среди обломков «Нибелунга» вдруг начался еще один, необычный акт поствоенной игры судеб.

Да, у машин (по крайней мере у некоторых, обладающих достаточными вычислительными мощностями) тоже, оказывается, была своя судьба.

Незримые эфирные волны распространялись среди припорошенных снегом руин.

Сквозь монотонное завывание ветра вдруг пробился характерный звук — это поврежденный андроид внезапно шевельнулся, его сервоприводы по непонятной причине вновь заработали, ломая хрупкую корку наледи. В сгущающихся сумерках тускло зардел точечный индикатор, возвестивший о работе аварийного навигационного устройства, принимающего внешние команды.

Поврежденное ядро системы по-прежнему не функционировало, и потому перехват управления сервомоторами не встретил противодействия. Сейчас среди руин ожил не полноценный кибернетический механизм: движимая внешней волей, шевельнулась его механическая оболочка.

Первый шаг андроида оказался на удивление точным, выверенным — таинственный оператор, видимо, отлично знал, как следует поддерживать равновесие шагающего привода на ненадежных, покрытых снегом, скользких от образовавшейся наледи поверхностях.

Отыскав импульсную винтовку, которую андроид аккуратно прислонил к огрызку стены перед роковым запуском, человекоподобный механизм начал пробираться между завалами бетонного щебня к тому месту, где в теснине разрушенного проспекта покоились обломки штурмового носителя класса «Нибелунг».

Он шел навстречу своей новой судьбе, но дистанционно управляемая механическая оболочка никак не могла осознавать данного факта

Пилотажный скафандр, предназначенный для условий космоса, радикально отличался от привычной Земцову экипировки, но, тем не менее, он испытал чувство, граничащее со звенящим восторгом, когда после долгого (по его меркам) перерыва вновь облачился в боевую экипировку.

Оказывается, как много значат для человека вещи, создающие определенный психологический настрой!..

Андрея будто подменили.

Он вновь ощущал, как десятки встроенных систем контактируют с его рассудком, и это обстоятельство мгновенно меняло знаки — он более не испытывал сомнений, напротив, шаг навстречу неведомому через тесную шлюзовую камеру «Гепарда» стал для него единственным, желанным действием, — все проблемы внезапно отдалились, будто их не существовало вовсе, а был лишь период затянувшегося морока, который теперь, слава богу, исчез… растворился в вернувшихся ощущениях собственной дееспособности.

Каждый человек принадлежит своей эпохе.

Его эпохой являлась война, но возвращался Земцов не в кровавый, горячечный бред бесконечной череды боев… нет, он просто ощущал внутреннее возрождение, реабилитацию навыков, дающих чувство уверенности и (возможно иллюзорную) степень личной свободы.

Другому человеку он бы не смог объяснить собственные чувства

Пилот-ложемент «Гепарда» также имел мало общего с аналогичным устройством в рубке серв-машины, наблюдалась лишь некоторая схожесть основных узлов, но для Андрея неоспоримую значимость имела не конструкция, а внутреннее восприятие происходящего.

Он сел в кресло, дождался, пока щелкнут замки страховочных ремней и чуть приподнимутся, вставая в боевое положение, лепестки механического бутона спасательной капсулы, которая замыкалась в герметичный кокон и катапультировалась в случае критических повреждений штурмовика.

Доминантой мыслей оставалось чувство возрождения, когда каждый нерв буквально звенел от напряжения, но разум оставался кристально чист, *он был готов встретить свою судьбу,* как бы ни обернулись обстоятельства в дальнейшем.

Он сам принимал решения, а знакомая техногенная оболочка гарантировала ему свободу волеизъявления.

Вот, оказывается, что так сильно тревожило Земцова, не давало ему покоя с того самого момента, как он впервые очнулся на госпитальной койке.

Психология ли, философия жизни или зависимость испепеленного войной рассудка, ощущающего собственную полноценность лишь по совокупности определенных факторов окружающей обстановки, но Андрей, не углубляясь в анализ, понимал, что ожил, встрепенулся, будто вынырнул из гибельного омута навстречу свету и глотку воздуха.

Предметы.

Он уже успел позабыть бывший когда-то привычным жест, но тихий шелест мотора подачи живо напомнил полустертые в памяти ощущения тех лет, когда он еще понятия не имел, что станет пилотом серв-машины.

Пять лет он воевал в составе эскадрильи «Гепардов».

Шелест подъемника завершился сухим щелчком фиксаторов. На поддоне небольшого устройства, поднявшегося справа от широкого, усеянного кнопками подлокотника, черной глянцевитой змеей притаился, свернувшись в кольцо, шунт нейросенсорного контакта.

Данная технология уже десять лет назад ушла в прошлое, уступив место системам беспроводного удаленного доступа, но сейчас выбирать не приходилось — ядро кибернетической сети «Гепарда» повреждено, и эффективно управлять машиной можно лишь через шунт.

Тихо клацнув, сомкнулся разъем.

Изгиб оптического кабеля над правым плечом, легкое покалывание в височной области, и рассудок внезапно раскрылся, словно губка, впитывая новые ощущения.

Полный, стопроцентный контакт.

Он ощущал каждый механизм, каждый сенсор «Гепарда» как продолжение собственного тела.

Колганов был тысячу раз прав — управлять штурмовиком без подспорья главной кибернетической системы и блоков автоматического пилотирования могли лишь единицы из десятков тысяч пилотов.

Собственно, сейчас на подобное действие были способны лишь те, кто постигал губительную для рассудка глубину полного нейросенсорного контакта не по доброй воле, а под жесточайшим прессингом обстоятельств, казавшихся в начале войны намного горше, значимее, острее, чем прямой контакт нервных тканей с исполнительными узлами машин.

Они бросали навстречу земным крейсерам не столько свои жизни, сколько души…

Ритмика жестоких воспоминаний, вплетаясь в процедуру

предстартовой проверки, не вредила последней, наоборот, реальность все более отдалялась, разум входил в состояние, которое трудно определить с помощью слов…

Заправочные фермы отошли.

Планетарное топливо перекачано.

Начало процесса шлюзования. Замки электромагнитной катапульты закрыты. Стартовый коридор свободен.

— Я готов, — произнес Андрей в коммуникатор.

Он не знал, кто сейчас наблюдает за стартом, наверняка Колганов, ожидающий увидеть что-то сверхъестественное.

Эдуард ошибался.

Никакой мистики. Никаких особых маневров.

— Стартовые секторы свободны, — ответил коммуникатор незнакомым голосом. Накачка электромагнитов катапульты завершена. Отстрел через десять секунд… девять… восемь…

Он оставался спокоен.

Сенсоры штурмовика передавали в рассудок неимоверное количество данных, где отражалось все, начиная от статуса внутренних систем и заканчивая вводными данными для выхода в точку включения гипердрайва.

Ноль…

Разгон штурмовика по стартовому каналу электромагнитной катапульты сопровождался резкой перегрузкой, от которой пришел в движение сложный механизм ложемента, а Андрей ощутил легкую дурноту, так всегда бывает вначале, когда рассудок еще не окончательно слился с датчиками, а мозг все еще цепляется за ненужные теперь реалии мира физического…

Тело может сколько угодно изнывать под гнетом перегрузок либо ощущать тошнотворную легкость невесомости, но рассудок должен работать четко, не отвлекаясь на ощущения тела, ибо теперь его телом стал «Гепард», а все остальное — лишь частности, прерогатива систем жизнеобеспечения и боевого метаболического контроля.

Нужно стать машиной, полностью изменить восприятие, утонуть в потоках оцифрованной информации, раствориться в окружившей корабль бездне космического пространства, воспринимая каждый удар молекул космической пыли по потемневшей, усталой от множества вылетов броне, только тогда, *подумав о движении*, разум мгновенно и безошибочно сформирует верную команду для исполнительных подсистем.

Он — разум, заключенный в оболочку из титана и керамлита.

Вакуум-створы космоверфи, а вместе с ней и весь комплекс

орбитальной станции начали резко удаляться, проваливаться назад, они уже не воспринималась визуально, а ощущались как некая масса, оставшаяся за кормой.

Бездна, у которой нет ни начала, ни конца, где отсутствуют понятия «верх» и «низ», уже приняла корабль, который с равномерным ускорением шел к точке, где Андрей мог безопасно задействовать гиперпривод.

Отключенный сразу после старта коммуникатор молчал, не нарушая делового течения мыслей.

Андрей все же не удержался, частью своего восприятия потянувшись к ущербному серпу планеты — его так и не обретенной вновь родины, которую он покидал, не зная, вернется ли когда-нибудь назад…

На фоне нежно-голубого сияния атмосферы, испятнанной разводами облаков, разворачивалось звено «Фантомов» — они, без сомнения, зафиксировали несанкционированный старт, но Колганов не подвел: как он и обещал, сектор в оси курса был чист, а истребителям планетарных сил самообороны еще нужно разобраться, что к чему, снестись с планетой, получить разрешение на атаку упрямо молчащего нарушителя околопланетного пространства.

«Не успеют», — спокойно отметил Андрей, начиная мысленный отсчет секунд, оставшихся до включения гиперпривода.

Еще немного, и в пространстве взвихрилась чернота, чуть более глубокая, насыщенная цветом, чем сам космос, — это «Гепард» ушел в прыжок по известным только его пилоту координатам, чтобы «всплыть» из гиперсферы в районе низких орбит безымянной, находящейся на послевоенном карантине планеты, где несколько месяцев назад Андрей принял последний бой…

Он возвращался.

Он простил Натали и ощущал лишь нарастающее беспокойство за ее судьбу.

Среди усилившейся метели трудно заметить невооруженным глазом, как двигаются покрытые фототропной броней механизмы.

Мертвый на вид город не спал.

Тепловые контуры машин все явственнее проступали на фоне холодного, выстывшего бетона, по которому секла непрекращающаяся поземка.

Первая по-настоящему морозная ночь придала дополнительные возможности сканирующим системам боевых сервомеханизмов, и они, подчиняясь логике своих программ, вдруг, не сговариваясь, начали

проявлять активность, сближаясь с теми целями, что оказались неподалеку.

На самом деле в движение пришло порядка девяноста процентов кибермеханизмов, до сих пор скрывавшихся среди руин. Просто некому было бросить взгляд со стороны, оценивая массовую подвижку боевой техники.

Для большинства из них наступившая ночь станет последней.

Впрочем, им было все равно.

Близилась полночь, когда ветер понемногу утих, метель прекратилась, оставив после себя глубокие сугробы с наветренной стороны руин, небо прояснилось, на нем величественно воцарился полный диск здешней луны, да звезды серебристыми россыпями соткали причудливый, незнакомый большинству людей узор созвездий.

Снег искрился под лунным светом, поскрипывал под траками покрытых полимером гусениц, уминался под ребристыми колесами БПМ[5], осыпался в глубокие следы, оставленные ступоходами серв-машин или андроидов пехотной поддержки.

Отраженное сияние полной луны сделало зримым движение, зародившееся на разных уровнях разрушенного города еще во время метели. Логика базовых программ неизбежно толкала большинство брошенной тут полуфункциональной планетарной техники на жесткую конфронтацию, и лишь единичные механизмы, снабженные модулями искусственно интеллекта, не стремились тупо вступить в последнюю схватку, осторожно обходя сужающееся кольцо тепловых сигналов.

Пара «Одиночек» Альянса, давно переживших смерть своих пилотов, да несколько андроидов пехотной поддержки явно понимали, что именно должно произойти в течение ближайшего получаса, и медленно двигались среди руин, пытаясь выйти из плотного, опасного окружения спешивших навстречу взаимному уничтожению механизмов.

Среди машин, проявивших разумную осторожность, выделялись два особенно интересных образчика, чье поведение никак не укладывалось в рамки стандартных боевых программ.

Первым являлся тот самый андроид с характерными следами плавления на грудном кожухе, вторым… при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что хотя его сигнал и схож с сигнатурой[6] боевого дройда, но сам он не может быть идентифицирован как человекоподобная машина. Карта энергосканирования соответствовала боевому скафандру, работающему в режиме жесткой экономии автономного ресурса.

Человек?

Или просто неисправная бронированная оболочка?

Трудно предположить, что в руинах города, спустя несколько месяцев после окончания активной фазы боевых действий, могут оказаться люди… однако бронескафандр (кроме случаев ранения бойца и включения аварийных автопилотов) не мог двигаться сам по себе, а уж тем более — проявлять разумную осторожность, уклоняясь от района назревающей схватки.

Спустя некоторое время, когда руины осветились первыми сполохами начинающегося противостояния остаточных кибермеханизмов, андроид и человек находились на параллельных улицах.

Ни одному, ни второму так и не удалось завершить начатый маневр уклонения — истощенный ресурс бронескафандра не позволял человеку двигаться с желаемой скоростью, а андроид попросту заплутал среди руин, что-то не заладилось в системе навигации, да и вообще было удивительно, как он сумел реактивироваться после критических повреждений программно-аппаратного ядра?

Индикатор порта удаленного доступа больше не взмаргивал, а значит, движущая андроидом *воля* каким-то образом заняла место среди резервных цепей управления, полностью перехватив функции контроля над исполнительными подсистемами.

Так или иначе, действия дройда и человека были схожи — оба пытались выйти из зоны разгорающегося боестолкновения, придерживаясь одинакового маршрута.

Их путь вел из города по направлению к руинам космического порта, в то время как серв-машины с модулями «Одиночек», не поддавшиеся общему движению, всего лишь выжидали, когда разгорающаяся схватка истреплет ряды потенциального противника. Заняв позиции на господствующих высотах, они затаились, используя нехитрый тактический прием.

Андроид, у которого лазерным попаданием действительно была повреждена локационная система глобального контроля местности, осторожно, совсем как человек, выглянул из-за угла здания, прижимаясь спиной к покрытой изморозью стене.

Датчики ближнего обнаружения зафиксировали пять активных сигналов. Два идентифицировались как «LDL-55», один принадлежал серв-машине класса «Хоплит», которую пытались атаковать шагающие лазерные установки, следующий был распознан как бот огневой поддержки, по всей вероятности, сопровождающий легкую серв-машину, — все механизмы представляли определенную угрозу, но пристальное внимание дройда

привлек пятый термальный всплеск.

Поведение машины вдруг стало неадекватным.

Энергосканирование ясно указывало — не более чем в двухстах метрах от него медленно передвигался человек в бронескафандре.

Спрашивается, какое дело пехотному дройду до человека?

По большому счету, учитывая автономный режим функционирования, — никакого. Человек не имел ни командных, ни каких-либо иных приоритетов. Помогать ему не входило в обязанности андроида, но, тем не менее, он принял иное решение: низко пригибаясь, прячась за иззубренными стенами руин, он короткими перебежками двинулся вдоль иссеченных снарядами фасадов к той точке, где медленно и неуклюже перемещался маркер бронескафандра.

Опасная затея, учитывая, что «Хоплит» Альянса представлял для него не меньшую угрозу, чем шагающие лазерные установки колонистов. Без знания правильного кода «свой—чужой» андроид рисковал подвергнуться атаке любой из сторон.

Непонятно, что двигало им.

Алый маркер, обозначавший позицию человека, медленно приближался.

Было ясно, что человек находится на грани полного истощения. Конструкция бронескафандра позволяла поддерживать режим автономного жизнеобеспечения на протяжении полугода, но столько не выдерживала человеческая психика — это андроид почему-то знал наверняка.

В любом случае он явно намеревался помочь бойцу десантного подразделения, который медленно, но верно выходил на линию огня четырех машин, уже вступивших в схватку друг с другом.

Неужели он искал смерти? Или отказали датчики его бронескафандра? Непонятно. Опознавательная маркировка читалась вполне отчетливо…

Передатчик дройда заработал, передавая короткое сообщение на открытой частоте:

«КН-01, вы двигаетесь в опасном направлении. Остановитесь».

Маркер застыл, а спустя некоторое время несущая частота принесла тихий едва слышный шепот:

— Я ничего не вижу… датчики не работают… Я едва могу двигаться… Помоги. Кто бы ты ни был… молю…

Система анализа голосового ряда тут же выдала результат. Человеком в бронескафандре оказалась женщина.

— Оставайтесь на месте, мэм. Найдите надежное укрытие. Вокруг

сервомеханизмы. Они ведут бой.

— Я вижу… только отсветы… — В ее голосе прозвучало глухое отчаяние. — Кто ты?

— Пехотная поддержка.

— Андроид?..

— Да.

«Гепард» Земцова, завершив гиперпространственный прыжок, вышел в метрику трехмерного космоса на удалении в сорок тысяч километров от планеты.

После угнетающей, наводящей подсознательную жуть *абсолютной* пустоты, где не работало большинство навигационных приборов, ощущения хлынули в разум Андрея буквально со всех сторон — в момент обратного перехода ожили сенсорные системы штурмовика, передавая множество разнообразных данных.

На миг Андрею показалось, что он утратил контроль над штурмовиком, — машину закрутило, но дюзы систем ориентации не включились, автоматически компенсируя вращение, — об этом следовало позаботиться пилоту, как и о сотнях прочих нюансов.

Отринув все иные ощущения, он все же стабилизировал «Гепард», мысленно проложив курс к расколотому размытой линией терминатора шарику планеты.

Ее масса давила, она ощущалась, как магнит, цепко ухвативший корабль незримыми нитями, восприятие гравитационного поля оглушало рассудок, но Андрей сумел побороть чувство дурноты, — стоило потерять осознание целостности всех систем корабля, сосредоточиться на чем-то одном, перестав воспринимать штурмовик как единый комплекс узлов и агрегатов, и крушение обеспечено.

На адаптацию у него оставалось около десяти минут — за это время корабль выйдет в район низких орбит, и там потребуется все внимание, вся собранность: посадка в неразведанной атмосфере на ручном управлении сама по себе представляла сложность, а внизу его поджидали иные сюрпризы — Земцов ни на секунду не сомневался, что город, на руинах которого он принял последний бой, до сих пор находится во власти остаточных киберсистем, которые отнесутся к появлению штурмовика крайне недружелюбно.

Андроид присел, сканируя окрестности.

Бой на перекрестке разгорался, и огневой контакт четырех

сервомеханизмов, как пламя свечи, притягивал к себе опасных «мотыльков», чьи датчики в данный момент фиксировали растущую тепловую аномалию.

Странный тип мышления для несложного в принципе механизма, коим являлся дройд пехотной поддержки.

— Офицер?

Голос, синтезированный коммуникационным устройством, нес явный оттенок интонаций, в нем слышались вопрос, беспокойство и в то же время плохо скрытая досада.

— Я здесь… — ответил слабый голос.

Дройд проскользнул между наклонными плитами рухнувшего перекрытия и очутился посреди относительно чистого от обломков пространства. Два оконных проема, просевшие под тяжестью рухнувших этажей здания, превратились в подобие узких амбразур, вокруг громоздились обломки стеклобетона и, что немаловажно, — прутья арматуры, выполненные из металлокерамики.

— Хорошее укрытие. И достаточно экранированное, — прокомментировал свое впечатление дройд, присев на колени подле бессильно распластавшейся у одного из окон фигуры в исцарапанной, местами выщербленной фототропной броне.

Дройд понимал: взгляд человека сейчас напряженно следит за ним из-за дымчатого забрала гермошлема.

— Ты непонятный… — наконец прошептала она.

— Согласен, — дройд не стал отрицать очевидный факт. — Но у нас есть проблема поважнее моей неадекватности? Или не так?

— Так… Ты решил помочь мне… Почему?

Вопрос был важным. От ответа на него зависело многое, потому и ответ прозвучал без лжи:

— Я тоже хочу выбраться отсюда. Здесь, — андроид кивком указал в сторону зарниц, прорывающихся в импровизированный бункер через узкие щели в завалах, — я в состоянии помочь человеку, но что будет потом?

— В смысле?

— Потом, когда мы выберемся отсюда? Кто поможет дройду избежать утилизации?

Несколько секунд молчания.

— Я поняла… — Она говорила едва слышно, с болезненным придыхом. От сканеров андроида не укрылся тот факт, что бронескафандр был пробит в нескольких местах: на груди и правом бедре красовались вспенившиеся наружу комья аварийного герметика. — Если… выберемся

отсюда… я помогу тебе.

— Догадалась, кто я такой?

— Догадалась.

— Тогда есть смысл познакомиться. Пусть пока механические истуканы изуродуют друг друга… нам же будет проще.

— Согласна… Меня зовут Ольга. Лейтенант Ольга Званская.

— Ты пилот серв-машины? — на всякий случай решил проверить дройд правильность толкования маркировки бронескафандра.

— Нет. Космическая пехота. Мы осуществляли зачистку…

Ей было больно говорить.

Зачистка. Андроид лишь покачал головой. В последний раз десантные корабли Флота Колоний совершали посадку в районе мегаполиса два месяца назад.

— Меня ранило. Нарвалась на «Хоплит» Альянса. Больше ничего не помню. Очнулась трое суток назад. Чувствую, что прошло много времени… но сколько, не знаю…

— Два месяца, — ответил дройд. — Система жизнеобеспечения работает?

— На резерве.

— Дай я подзаряжу твой скафандр. Как сама считаешь — раны затянулись?

— Думаю, да. Только без сервомускулатуры не шагнуть.

— Это сейчас исправим.

Человекоподобный механизм склонился над фигурой в бронескафандре, подключая к разъемам кабель подзарядки.

— Глупо как… И неправдоподобно… — тихо прошептала Ольга. — Я так радовалась, узнав, что война закончилась…

— И уж никак не думала, что тебя станет спасать дройд Земного Альянса?

— Точно… Как мне называть тебя? Человекоподобная машина чуть промедлила с ответом.

— Зови меня…

Окончание фразы потонуло в адском грохоте разрыва. Это залп ракетной установки зацепил руины, где прятались дройд и человек.

Бой наверху разгорался нешуточный.

«Гепард» снижался.

Времени и возможности совершить несколько уточняющих витков вокруг планеты попросту не оказалось: внезапно дала знать о себе боевая

спутниковая группировка, обеспечивающая карантин планеты.

— Борт G-312, — стучалось в сознание монотонное предупреждение, — у вас есть одна минута, чтобы изменить вектор сближения с планетой. Посадка на поверхность запрещена.

Андрей не собирался вступать ни в переговоры, ни тем более — в схватку с аппаратами, блокирующими зону низких орбит. Минута, данная на размышление, позволяла на форсаже проскочить опасный участок. Конечно, форсирование двигателей при входе в атмосферу — не самый разумный маневр, но в данной ситуации выбирать не приходилось.

Штурмовик вибрировал, каждая переборка отзывалась мелкой дрожью на возрастающее сопротивление воздушной среды, обшивка начала нагреваться — «Гепард», словно падучая звезда, огненным росчерком пересек линию терминатора и ушел в тень планеты.

Огромная красноватая луна царила над гротескными облачными замками, впереди, там, где мрачным пятном растеклись руины города, облака расступались, образуя многокилометровый просвет.

Земцов чувствовал, как растет внутреннее напряжение, — сил пока что хватало, но обеспокоенность, вкравшаяся в сознание, мешала четкому управлению.

Сенсорные системы сбоили. Критический нагрев корпуса штурмовика, возникший вследствие неправильного угла входа в атмосферу, блокировал работу датчиков, достоверным в данной ситуации был лишь визуальный контроль — снижая скорость и выравнивая корабль относительно авиагоризонта, Андрей был вынужден уделить частицу своего внимания осмотру местности.

Темнота внизу сливалась в черно-серые полосы, даже оптические умножители транслировали изображение стремительно приближающегося города, как некую угловатую искрящуюся снежным покровом, но тем не менее — темную массу, которую освещали лишь стробоскопические сполохи огня.

Внизу шел бой.

Не нужно было обладать даром провидения, чтобы понять: в схватке участвуют остаточные кибермеханизмы, из-за обилия которых планету закрыли на карантин. Они продолжали войну, любыми доступными средствами стараясь реализовать заложенные в них программы, но легче от этого не становилось.

Натали?..

Тишина в эфире.

Нет ответа.

Озаренные ритмичными вспышками руины города уже неслись под уплощенным днищем штурмовика, скорость для осуществления посадки оставалась слишком велика — придется маневрировать, совершая один или даже несколько кругов.

Появление «Гепарда» не осталось незамеченным.

С верхних, наиболее пострадавших уровней города, который все еще сохранил вид уступчатой пирамиды, по штурмовику ударили несколько зенитных установок, вслед машине чиркнул лазерный луч, но скорость «Гепарда» позволила Андрею уклониться от огня, не совершая специальных маневров.

Он пронесся над руинами и начал плавный разворот, чтобы, погасив скорость, выйти к южной окраине мегаполиса, где на одном из изуродованных проспектов, среди обломков «Нибелунга» навек остался его «Хоплит».

Пока штурмовик снижал скорость, отдельные боестолкновения достаточно быстро переросли в серьезную схватку, машины сходились все теснее, их количество прибывало, но, что самое досадное, — очаг противостояния постепенно перемещался к южной окраине города.

Земцов к этому времени окончательно погасил излишнюю скорость, переключив двигатели штурмовика на турбореактивную тягу. Один за другим вступали в работу ослепшие было датчики, теперь он мог уделить часть внимания конкретной оперативной обстановке, — подчиняясь его воле, исполнительные системы тут же укрупнили интересующие Андрея кварталы второго уровня, которые, будто мрачное ущелье, рассекал злополучный проспект.

Бой уже добрался и сюда, восемь термальных всплесков указывали позиции противоборствующих сторон, — к активным сигналам с разных направлений стремительно приближались новые, две «особо умные» серв-машины Альянса, заняв господствующие высоты на обрывистых руинах обрушившихся городских уровней, поливали огнем все цели, попадающие в радиус поражения…

«Автономный режим», — мгновенно понял Земцов.

Здесь, среди кибермеханизмов, бесполезно искать врагов или союзников.

Губы Андрея исказились в горькой усмешке. Во всем происходящем чувствовалась тонкая издевка судьбы — не так давно он сам стоял на грани *автономного режима*, не находя ни приязни, ни понимания со стороны мира, который считал своей родиной.

Нет, ему не сказали грубого слова, не обидели действием, но он *не*

принадлежал открывшейся разуму реальности. Они взаимно отторгали друг друга, и Андрей понимал, что едва не сорвался той глухой бесконечной ночью на Элио, лишь силой воли удержавшись на зыбкой грани безрассудства.

В таком случае где моя реальность?

Или я обречен вечно скитаться в неизбывной тоске?

Нужно начинать новую жизнь. Неуместная мысль билась в рассудке, в то время как «Гепард», подчиняясь его воле, изменил курс, выходя на штурмовку параллельной проспекту улицы, — следовало очистить район посадки от бродячих кибермеханизмов…

Заберу Натали и попробую начать все сначала… — с этой мыслью он заставил корабль спикировать в узкий разлом улицы.

Все функциональное бортовое вооружение «Гепарда» полыхнуло огнем, вбивая в руины тугие снарядные очереди.

Выходя из пике, он заставил огрызнуться орудия кормовой полусферы, подрубив опоры площадки, на которой скрывалась одна из серв-машин Альянса.

Штурмовик уже вырвался из дымящегося, извергающего клубы дыма и пыли ущелья улицы, когда часть господствующего уровня с тяжким грохотом начала проседать, подминая руины низлежащих зданий.

Все, теперь можно садиться…

Совершив разворот, «Гепард» еще раз отработал изо всех орудий и, задействовав режим электромагнитной маскировки, резко пошел на снижение, интенсивно гася остатки скорости.

Проспект несся навстречу, разворачиваясь руинами зданий, под искрящимся в свете посадочных прожекторов снегом сканеры вычерчивали истинный рельеф изрытого воронками стеклобетонного покрытия.

В голове Андрея внезапно возник тонкий иссушающий звон — заработал аларм-процессор, — впереди, под снегом вздымалось нагромождение плит дорожного покрытия, взломанных памятным крушением «Нибелунга»; Земцов молниеносно и машинально отработал реверсом тяги. «Гепард» выплеснул гудящее пламя из дюз аварийных двигателей торможения, одновременно задействовав режим «парения», который обеспечивали установки донной тяги.

Турбореакторы смолкли, и в наступившей вдруг тишине звонко разрядилось автоматическое орудие носовой полусферы, разметав группу из пяти андроидов, показавшихся в проломе стены ближайшего здания.

Раскаленные струи, бьющие из сопел планетарных двигателей, мгновенно растопили снег, обнажая мрачный, уродливый ландшафт исковерканного проспекта, в морозном воздухе всклубился пар, частицы влаги замерзали, превращаясь в катышки льда, и вновь падали на землю, вихрясь звенящими смерчами…

Выдвинувшиеся опоры «Гепарда» коснулись проезжей части многострадального проспекта.

Сканирующие системы продолжали фиксировать двух из пяти обнаруженных дройдов, и орудия еще раз отхаркнулись огнем, окончательно расчищая зону посадки. Теперь, по данным сканирования, до ближайшего активного маркера было не менее полукилометра.

Сущий пустяк для сервомеханизмов, но Земцов не собирался задерживаться — контур подбитого «Хоплита» уже был обнаружен и опознан. Серв-машина, не подающая никаких признаков активности (в том числе и энергетической, что сильно встревожило Андрея), находилась в сотне метров от места посадки, сразу за хаотично вздыбленными стеклобетонными плитами.

Пять минут.

Земцов уже отстегивался от кресла пилот-ложемента, но шунт пока не вынул, отдавая последние целеуказания полуавтоматическим системам штурмовика.

Боевые сопроцессоры, способные работать в автономном режиме, прикроют его высадку, в случае необходимости открыв огонь по любым источникам энергетической или тепловой активности.

Все…

Шунт с характерным чавкающим звуком вышел из разъема, проскользнув через уплотнитель.

Скафандр пилота малопригоден для экскурсий по руинам, Андрей понимал и это, но стометровая пробежка под прикрытием орудий штурмовика не казалась ему особенно рискованной.

С такими мыслями он вынул из специальной ниши импульсную винтовку и выбрался через шлюз на короткий трап, автоматически выдвинутый до касания с поверхностью.

— Как ты думаешь, у нас вообще есть шанс выбраться отсюда? — Голос Ольги звучал значительно бодрее, несмотря на бесноватый огонь разгорающегося вокруг их временного убежища боя.

— Мне нужна дополнительная информация, — не оборачиваясь, произнес дройд, наблюдая через узкую щель амбразуры за перемещением сервомеханизмов.

— Спрашивай.

— Тебя бросили? — Вопрос андроида не отличался корректностью, но в ответе на него был заключен один из возможных путей эвакуации.

Лицо Ольги, скрытое забралом гермошлема, исказила гримаса душевной боли.

— Не думаю… — наконец произнесла она. — Мы попали в засаду. Вообще акция зачистки была полнейшим безумием.

— Да, бросать пехотные подразделения против боевых машин неразумно, — согласился дройд. — Значит, ты считаешь, что твое подразделение уничтожено?

— Да, — дрогнувшим голосом ответила она.

— Ты сможешь указать точное место посадки десантно-штурмового модуля?

— Думаю, это бессмысленно. Модуль управлялся автоматикой. Если мой взвод погиб, машина должна была стартовать и возвратиться на базовый корабль.

— И все же место посадки следует проверить в первую очередь.

Возможно, модуль все еще там. На это существует тысяча причин.

— Было бы идеально. ДШМ[7] оснащен гипердрайвом, заряженным энергией на один прыжок, — согласилась Ольга. — Ну, а если он все же стартовал?

— Тогда остается космопорт.

— Мы проверяли его. Там нет космических кораблей.

— Зато есть аппаратура связи.

— Неисправная, — уточнила Ольга.

— Не имеет значения. Я починю. При обилии комплектующих, которые можно снять с разбитых систем, собрать передатчик не проблема.

— Нужен канал гиперсферной частоты.

— Необязательно. Планета, насколько я понимаю, блокирована спутниками. Нам нужна связь с орбитой.

— И что это даст?

— Наше сообщение ретранслируют в штаб флота. А там примут решение. Или ты считаешь, что спасать одного офицера не станут?

— Не знаю… — В голосе Ольги действительно не прозвучало уверенности. — А если станут, как быть с тобой?

— Объясню чуть позже… — в голосе андроида опять прорвались нотки, которые неспособна синтезировать машина. Подобные оттенки голоса, полностью соответствующие обстановке, нельзя записать заранее. Например, сейчас Ольга услышала в нем досаду, и словно подтверждая ее мысли, андроид добавил, меняя наполовину опустевший магазин импульсной винтовки: — Боюсь, без твоей помощи уже не обойтись. У нас гости…

Ольга, вместо ответа, приподнялась на локтях, сдерживая стон, и боком подползла ко второй амбразуре.

По улице двигался отряд человекоподобных машин Альянса в сопровождении… звена «LDL-55»!..

Каким образом механизмы противоборствующих сторон пришли к решению о взаимодействии, можно было лишь гадать, но времени на это не осталось в принципе: их позицию засекли — один из трех шагающих лазеров внезапно развернул торс, и темно-вишневый луч полоснул по куче щебня, на три четверти заполнявшего оконный проем.

Тепловой взрыв разметал мелкую бетонную крошку, в воздухе взвихрился пар, на миг все заволокло белесой мутью, но это не являлось препятствием для сканеров боевых машин, — считаные метры отделяли их от внезапно обнаруженных целей, и никакая тепловая засветка уже не

могла скрыть прячущихся под рухнувшим перекрытием человека и андроида.

Ольга оказалась в невыгодной позиции: груда смерзшегося щебня извергала гейзеры пара, по бронескафандру барабанил мелкий дымящийся гравий, а она видела лишь крайнюю из машин, остальных блокировала мощная накренившаяся плита перекрытия.

На душе вдруг стало пусто, а в груди холодно.

Она боялась.

Боялась еще одного ранения, повторения тяжелой агонии… и в этот роковой миг в узкую расселину улицы внезапно ворвался оглушительный рев турбореакторов, сопровождаемый звонкими, отчетливыми тактовыми очередями автоматических орудий.

Невесть откуда взявшийся штурмовик пронесся в опасной теснине, словно материализовавшаяся мольба о помощи, — черно-оранжевые султаны разрывов легли тремя плотными рядами, как будто в ущелье улицы на мгновение вырос фантастический сад, распустившийся пламенными соцветьями… далее все потонуло в неистовом грохоте разрывов, ноющем визге рикошетящих осколков, сквозь который едва слышался удаляющийся рев турбин.

Когда внезапно поднявшийся ветер отнес в сторону пар и дым, Ольга, уже почувствовавшая солоноватый привкус близкой смерти, увидела, как в темноте искрит прошитый снарядом энергоблок « LDL-55», за первой машиной возвышался дымящийся контур второго шагающего лазера, от третьего остались только обломки, а вот андроиды исчезли, словно их вымело с улицы взрывной волной.

— Похоже, у нас появился реальный шанс вырваться, — раздался в сгустившейся темноте знакомый голос. — Если мы отобьем атаку дройдов и сумеем подать сигнал…

— Я никого не вижу. И почему ты решил, что штурмовиком управляет человек?

— Андроидов я фиксирую. Они уцелели и собираются обойти нас с тыла. А «Гепарды», насколько мне известно, не летают сами по себе. Для них не предусмотрено интеллектуальных киберсистем. Там обязательно должен находиться пилот.

— Мне бы твою уверенность.

— Вот увидишь. Двигаться сможешь? Нам нужно сменить позицию.

— Сканеры сбоят, — ответила Ольга. — Я включу свет?

— Давай. Только не надолго и постарайся не пугаться.

Она не поняла последнюю фразу. Чего ей бояться?

Включив плечевой прожектор, она взглянула на своего негаданного союзника и непроизвольно содрогнулась.

Корпус андроида мало того, что был оплавлен, теперь его изрешетили осколки, и стоял он не у второй амбразуры, а всего лишь в полуметре от нее, перекрывая расширившуюся после лазерного разряда щель.

Выходит, это он принял на себя смертельный металл, плеснувший в амбразуру во время дикой атаки штурмовика?

Металл, который по определению предназначался ей?

Она, не отрываясь, смотрела на дройда, откровенно не понимая, как тот вообще может говорить или двигаться, ведь его программное ядро располагалось в грудной полости, которую навылет прошил с десяток осколков?

— Все вопросы потом, — андроид поднял руку, указывая на два темных лаза в их убежище. — Ты контролируешь правый, я — левый проход. Главное — отбить атаку. Потом будем выбираться отсюда и попробуем выйти на связь.

Она смогла лишь кивнуть и попыталась встать, опираясь на иззубренную стену.

Было больно.

Очень больно, но еще сильнее оказалось желание ЖИТЬ…

Перебравшись на ту сторону баррикады, Андрей наконец увидел «Хоплита».

Много ли прошло времени после того рокового боя?

Два месяца… А в груди саднило, словно душа начала оттаивать от вселенского безумия, в ней просыпались чувства, те, о которых он не думал в череде боев.

Есть ли на свете любовь? Осталось ли место для нее среди кровавого хаоса воспоминаний, которыми по инерции жил рассудок?

Вид обожженной, покореженной серв-машины, являвшейся на протяжение многих лет частью его тела и разума, вызвал не вспышку яростной ненависти, а глухое щемящее чувство ностальгии.

Знаки менялись.

Менялась сама жизнь. Той долгой ночью на Элио он просто не сумел осознать наступившие *исподволь* перемены.

Все он мог. Мог спокойно прийти с утра в офис «Нового Века» и решить вопросы, без ствола, приставленного к башке оппонента.

Коней на переправе не меняют. Сделанного уже не вернешь. Да и осталось немного — забрать кристалломодуль с Натали и навек покинуть

этот мир, попробовать все сначала, не утратив памяти, но спокойно переосмыслив ее…

Сканеры скафандра, слабенькие, непривычные, фиксировали смутные тепловые контуры машин где-то на пределе своего восприятия, вернее всего — на соседней улице, которую его штурмовик зачистил огнем перед самой посадкой.

Далеко. Не достанут. Не успеют.

Мысль подстегнула, заставила очнуться от созерцания и двигаться.

Перебравшись через вздыбленные плиты дорожного покрытия, Андрей попал в узкое пространство между двумя обломками «Нибелунга».

В свете плечевых фонарей искрился свежевыпавший

снег, на котором четко пропечаталась ровная цепочка следов.

Совсем недавно здесь прошел андроид.

Земцов прибавил шаг, стараясь побыстрей выбраться из лабиринта обломков.

В рубку «Хоплита» через внушительные пробоины в корпусе, одну из которых расширили, чтобы вытащить раненого пилота, намело снега.

Мертвые приборные панели со следами пожара искрились инеем.

Натали!..

Нет ответа.

Лишь за стенами рубки, на соседней улице, внезапно взъярились звуки плотного автоматического огня.

Почему же ты не отвечаешь?!

Андрей точно знал, бойцы, вытащившие его из обломков «Хоплита», не забирали модуль ядра кибернетической системы.

Он присел, осветив основание консолей.

Ниша, предназначенная для кристалломодуля «Одиночки», была пуста, лишь два технических манипулятора, выдвинутые в крайнее положение, торчали из нее, будто согнутые руки карлика.

Земцов воспринял удручающую картину с непонятным самому стоицизмом.

Чувства опять отхлынули, будто и не возвращались вовсе.

Злой рок, преследующий его, продолжал гримасничать, но Андрей не мог опустить руки. Он понимал: у каждого следствия есть причина, рассудок действительно отказывался принимать поражение, — тут же вспомнились следы андроида, отпечатавшиеся на снегу, и пришла догадка: это он забрал Натали.

Иного объяснения Земцов не находил.

Спрашивать себя, зачем андроиду пехотной поддержки понадобился

кристалломодуль с серв-машины, он не стал, потому что был хорошо осведомлен о технических особенностях человекоподобных машин, входивших в состав серв-соединений.

Все андроиды Альянса имели специальное гнездо для интеграции кристалломодуля «Одиночка». В подобном конструктивном решении был заложен чисто практический смысл — подразделение дралось до последнего: погибали пилоты, но благодаря «Одиночкам» «Хоплиты» и «Фалангеры» продолжали бой… Разбиты все серв-машины — не беда — андроиды пехотной поддержки перехватывают инициативу, извлекая из развороченных исполинов драгоценные модули, получая новую степень свободы действий…

Проклятая унификация. — Земцов все же не выдержал, мысленно выругавшись в адрес конструкторов, которые в жестких условиях войны экономили на всем, стандартизируя детали с тем, чтобы можно было воспользоваться узлами и агрегатами с подбитых серв-машин противника для ремонта собственных.

Потому и кристалломодуль с «Хоплита» Колоний пришелся впору андроиду Альянса…

Он не мог уйти далеко.

Снег выпал накануне, следы совсем свежие.

Земцов выбрался наружу и несколько секунд стоял, прислушиваясь к ритмике автоматического огня.

Бой шел неподалеку, в этом же квартале, и в нем принимали участие пехотные подразделения.

Андрей пошел на звук, стараясь не уклоняться от цепочки четко пропечатавшихся в снегу следов.

Ольга чувствовала — им не выбраться.

Можно было сколько угодно сдерживать андроидов, обороняя выгодную позицию, но таял и без того скудный боекомплект, к тому же к месту столкновения вскоре подтянутся новые сервомеханизмы.

Нет.

Это агония, отсрочка…

— Магазин! — Знакомый голос уже не пугал своими человеческими интонациями.

Ольга подтянулась на ослабевших, трясущихся руках.

Несколько недель беспамятства, проведенных под контролем систем поддержания жизни, хоть и зарубцевали раны, но истощили организм. Она не могла вести бой, оставалось лишь подавать магазины дройду, не пытаясь

угадать, каким чудом тот продолжает функционировать.

— Держи!

Она протянула руку… и в этот миг увидела его: дройд стоял, припав на одно колено за глыбой стеклобетона, служившей ему укрытием. Лунный свет, прорываясь сквозь разлом рухнувшего перекрытия, освещал поверженные наземь фигуры трех сервомеханизмов, но две уцелевшие человекоподобные машины продолжали атаковать, по непонятной причине покинув выгодные позиции.

Они шли между накрененных сложившихся «домиком» плит прямо на нее…

— Держи же!..

Не услышав ответа, она поняла: все… конец.

Ее спаситель не шевелился, лишь в наступившей внезапно тишине было отчетливо слышно, как скрежещут его перебитые сервоприводы.

В глазах у Ольги помутилось.

Сейчас она подпустит эти исчадия ближе и срежет их одной длинной очередью… но выбраться отсюда, отыскать ДШМ или подать сигнал уже не сможет.

Ей попросту не хватит сил…

Руки дрожали, вес импульсной винтовки казался неподъемной тяжестью, она до крови закусила губу, выцеливая ближайшее человеческое подобие, как вдруг…

Очередь «ИМ-12» ударила сухо и коротко, на миг высветив сполохом электромагнитной статики контур человека, облаченного в скафандр пилота.

Титановые шарики, выпущенные в спину андроидам, заставили их конвульсивно дернуться, по инерции начатого движения падая вперед…

— Натали?

Голос, прозвучавший в коммуникаторе, был ей знаком до дрожи.

— Господи, еще один андроид… — Она медленно начала поднимать ствол двенадцатого «ИМ», не соображая, что произнесла вслух промелькнувшую в рассудке мысль.

Фигура в белоснежном скафандре тут же отступила за выступ.

— Кто здесь?

Тишина.

Она бессильно опустила руки.

— Отвечай, я задал вопрос.

— Пошел ты…

Земцов уже сообразил, что в глубине помещения скрывается человек.

— Послушай, я не…

— Отвали. Хватит с меня одного андроида.

— Да успокойся же. Я человек.

— Ты дройд.

— С какой стати?

Ольга не возражала против короткого диалога. Ей требовались эти секунды, чтобы собрать остатки сил и мужества, чтобы не промахнуться, когда человекоподобная машина появится из укрытия.

— Тут со мной был андроид. Ваши голоса похожи, как две капли воды. Так что не надо косить под человека…

Земцов моментально понял, о чем говорит незнакомка.

Одинаковые голоса.

Кто еще во всей вселенной мог говорить *его голосом?*

Натали…

Он видел всю диспозицию, на дистанции в несколько метров датчики работали вполне сносно.

Раненый, истощенный офицер десантного подразделения в окружении разбитых сервомеханизмов…

Андрей отчетливо видел, как незнакомка медленно, с усилием приподнимает ствол оружия.

Рядом, припав на колено, стоял изрешеченный осколками и пулями андроид.

Сканеры четко показывали: в пробитой навылет голове, где у человекоподобных машин располагаются лишь вспомогательные сенсорные системы, медленно гас энергетический контур кристаллосхемы.

Ядро машины давно остыло, оно не подавало никаких признаков функциональности, а значит…

Озарение пришло, как вспышка.

Не механизм похитил Натали. Это *она* заставила двигаться поврежденного дройда с единственной целью — покинуть рубку серв-машины, обрести способность к действию…

Зачем?

Чтобы вырваться отсюда.

Чтобы отыскать его… вторую половину собственного сознания.

— Натали!..

Он рванулся к ней, и изрешеченная пулями голова дройда вдруг распалась под нажимом пальцев на неравные части, глухо стукнувшие об пол.

В обнажившемся гнезде на полупрозрачных кристаллах «Одиночки»

медленно гасли блуждающие огоньки.

След от пули пересекал разорванные связи уродливой трещиной.

Все.

Это был конец.

Андрей бережно вынул кристаллосхему из гнезда и, не оборачиваясь, произнес, глухим, полным отчаяния голосом:

— Постарайся выстрелить точно. Не хочу мучиться…

Прошла секунда, другая, но выстрела так и не последовало.

Лишь в гробовой тишине насквозь промерзшего импровизированного бункера раздался стук выпавшей из ослабевших пальцев импульсной винтовки и тихий всхлип…

Эпилог

Планета Кьюиг. Несколько лет спустя

Это был обычный, непримечательный дом, стоявший на краю поселка городского типа.

Вокруг, куда ни глянь, простиралась знаменитая кьюиганская степь, и лишь постройки базы РТВ[8], накрытые струящимся маревом маскирующего поля, казались чужеродным вкраплением в сонный пасторальный пейзаж.

Семь часов утра.

На втором этаже открылась дверь спальни. Ольга прошла по коридору, заглянула в детскую, с минуту стояла, слушая ровное дыхание сына, затем тихо притворила дверь и, уже направляясь в ванную комнату, мысленно произнесла, заставив взморгнуть огонек индикации на прикрытом заглушкой импланте:

— Натали, у нас с Андреем сегодня совпадают дежурства. Присмотришь за Сережей?

— Конечно. Разогреть завтрак?

— Да, пожалуйста. Обедать мы будем на базе.

— Хорошо, не беспокойся. Я вовремя покормлю Сергея.

— Натали, он еще маленький. — Ольга придирчиво посмотрела на себя в зеркало. — Почему ты всегда обращаешься к нему, как к взрослому?

— Он мужчина.

— Ребенок.

— Хорошо. Я понимаю разницу…

— Я не сомневаюсь.

В коридоре раздались шаги.

— Ну вот, Андрей уже проснулся…

— Завтрак на столе.

— Спасибо, милая.

Родители ушли.

Дверь детской приотворилась, и оттуда показалась взлохмаченная голова Земцова-младшего.

— Мама?

Секунда тишины.

В рассудке мальчика возник голос:

— Родители ушли на работу. Мы сегодня с тобой хозяйничаем вдвоем. Бегом умываться.

Сережа привык к этому голосу с самого рождения. По крайней мере, все первые осознанные воспоминания хранили не только образы папы и мамы — в них незримо присутствовала Натали.

— Ты поиграешь со мной?

— После завтрака, милый.

— Я знаю, папа забыл закрыть свой кабинет. — Мальчик вприпрыжку направился к ванной комнате. — Не запирай его, ладно?

— Нам достанется.

Сережа остановился и хитро улыбнулся:

— В первый раз, что ли? — подмигнул он скрытому под потолком точечному видеодатчику.

После завтрака он прокрался в отцовский кабинет и сел в глубокое кресло перед компьютерным терминалом. Виртуальный шлем был ему слишком велик.

— Сергей, осторожнее.

— Да знаю я. Контакт ненадежный. Секунда тишины.

Вау…

Перед мысленным взором мальчика проступили контрастные очертания рубки «Хоплита».

— Натали?

— Все в порядке, пилот. Идет тестирование. Запуск основных систем через тридцать секунд.

В виртуальной реальности возраст теряет значение. Кресло пилот-ложемента оказалось точно подогнанным по фигуре.

Все впечатления были настоящими.

— Тест сервоприводов завершен. Заправочные фермы отошли.

— Натали… Ты не расскажешь папе? Я же знаю, ты можешь отключить видеодатчики. Ну пожалуйста…

— Я подумаю. Только ответь мне на один вопрос — ты действительно хочешь стать пилотом серв-машины?

— Да! Как папа!..

— Тебе придется многому научиться.

— Я знаю. Я поступлю в академию, вот увидишь.

— Хорошо, я отключу датчики, Сергей, но давай условимся — когда ты окончишь академию, то приедешь за мной. Обещаешь?

— За тобой?! — искренне удивился мальчик.

— Да.

— А родители тебя отпустят?

— Отпустят. — В голосе Натали необъяснимым образом смешивались

в этот момент разные чувства. — С тобой — отпустят, — уверенно заключила она спустя несколько секунд и тут же добавила, уже совершенно другим тоном: — Все системы в норме. Можем начинать движение.

Натали говорила эти слова не в первый раз.

Она узнала очень много за прошедшие годы.

Меньше всего домашней киберсистеме хотелось возвращаться туда — в ледяной ад войны.

Тогда почему она позволяла Сереже садиться в отцовское кресло, надевая большой, не по возрасту шлем?

Наверное, потому, что научилась любить.

Любить Андрея и Ольгу, их сына, любить просторы кьюиганских степей…

Да, война закончилась, но в Обитаемой Галактике все еще оставалось много зла.

Она не хотела, чтобы однажды над этим домом, над цветущей степью появился призрак былой войны.

Но кто, кроме нас самих, защитит собственную любовь?

notes

Примечания

1

Связка «Фалангер»—»Хоплит». Здесь следует пояснить: серв-машины класса «Фалангер» относятся к тяжелым видам боевой планетарной техники. Их вес, в зависимости от модели, варьировался от сорока пяти (в первые годы войны) до шестидесяти тонн. Основное вооружение: ракетные установки большого радиуса действия, крупнокалиберные (150 мм) автоматические орудия, реже, вместо ракетных установок, на оружейных пилонах монтировались лазеры теплового спектра, аналогичные корабельным установкам, входившим в состав комплексов «Прайд» Учитывая эти особенности, «Фалангеры» служили для поражения удаленных целей (в том числе и орбитальных), в ближнем бою они часто оказывались уязвимыми из-за низкой маневренности и невозможности вести огонь тяжелыми ракетами на дистанции прямой наводки, поэтому в ходе боевых действий, с учетом накопленного опыта, в подразделениях Альянса получила широкое применение практика так называемых боевых пар, когда каждый «Фалангер» сопровождался более легким (30—40 тонн) «Хоплитом», который прикрывал ведущего в ближнем бою, вел активную разведку целей, атаковал укрепленные пункты и технику противника, пользуясь огневой поддержкой ведущего.

2

ИК-порт— устройство удаленного доступа, осуществляющее беспроводную передачу данных посредством инфракрасного излучения.

3

Раворы— знаменитая древовидная растительная форма планеты Элио. Деревья, достигающие пятидесятиметровой высоты, как правило, произрастают на мелководье, в заливах морей и океанов планеты. В ночное время они светятся, словно крона и ствол дерева окутываются нежно-алой аурой, — такой эффект создают микроорганизмы особого вида, сосуществующие в тесном симбиозе с Раворами.

4

Кибстек — портативный наручный компьютер, выполненный в форме браслета.

5

БПМ— боевая планетарная машина.

6

Сигнатура— в данном контексте этот термин обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

7

ДШМ— десантно-штурмовой модуль.

8

РТВ— роботехническое вооружение.